

ЕВГЕНИЯ ПОТАПОВА

Ведьма Агнета

Ведьмой стать нетрудно,
нужны лишь волк-сторож,
колдовское наследство
и дом в деревне

Романы рунета

Евгения Потапова

Ведьма Агнета

«Издательство АСТ»

2021

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Потапова Е. В.

Ведьма Агнета / Е. В. Потапова — «Издательство АСТ»,
2021 — (Романы рунета)

ISBN 978-5-17-155539-9

Когда все надоедает, и одни и те же события происходят постоянно, нужно что-то менять. Именно так и поступила Агнета, когда третий по счету муж от нее ушел. Перебралась в деревню, занялась хозяйством, завела коз, открыла новую страницу своей жизни. И все бы ничего да только странные дела начали твориться вокруг. То сосед ногу сломал, то загадочный волк появляется, то покойники во сне приходят – и все это якобы дело рук Агнеты. А тут еще и слух по деревне ходит, что она ведьма... История о приключениях непростой городской женщины, с нотками мистики и легким слогом.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-155539-9

© Потапова Е. В., 2021
© Издательство АСТ, 2021

Содержание

Как я дом посмотрела	7
Не было бы счастья, да несчастье помогло	9
Ночевка в своем-чужом доме	11
Сюрприз в шкафу	14
Еду в новую жизнь	17
Страшный зверь коза	20
Деревенские страдания по козам	24
Бриллиантовая рука, вернее, нога	28
Вот они какие, черти	32
Когда любит только один	35
Золото в подвале	39
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Евгения Потапова

Ведьма Агнета

© Е.В. Потапова, текст, 2023

© Издательство АСТ, 2023

* * *

ЕВГЕНИЯ ПОТАПОВА

Ведьма Агнета

МОСКВА 2023

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ

Как я дом посмотрела

Снова мне не хочется оставаться в доме, в его доме. Снова хочется уйти, взять шашку и разнести это подобие семьи по кирпичикам. Муж не пил несколько месяцев и вот снова сорвался. Если он начинает пить, то вскоре отправляется на поиски новой подружки жизни или, вернее, не для жизни, а для постельных утех. Вот только эти подружки об этом еще не знают и безоговорочно верят всей той лапше, что он им вешает по пьяной лавочке. Они начинают меня штурмовать в социальных сетях и требовать, чтобы я немедленно очистила помещение.

В этот раз ему попала женщина с жилплощадью, тремя собаками, парой кошек, с двумя дипломами о высшем образовании и одним сыном предпубертативного возраста. Он сообщил мне, что это его первая любовь, которая в молодости его не осчастливила своим телом, ибо была замужем. А теперь они встретились, и пламя страсти вновь воспыхало в чреслах, и его надо было немедленно погасить. Она все еще так прекрасна и свежа, и видит в нем все того же юнца, каким он был девятнадцать лет назад. Он купил бутылку водки, пару баклажек пива, сок и шоколадку и упорхнул к своей новой старой возлюбленной на все выходные, оставив меня одну рассматривать фото соперницы и удивляться, что же он в ней нашел.

Сначала я немного повыла и порыдала, ибо грусть меня одолела и хандра. Затем я обрадовалась, что два дня могу готовить только то, что нам с дочерью нравится, или не готовить вовсе, а доедать то, что осталось. Помыла за ним полы, чтобы дорога была у него без происшествий. Села шерстить разные ресурсы в поисках вариантов съема или покупки недорогого жилья, ибо такая тенденция стала напрягать. Не сказать, что у меня есть деньги на дом, но банки в нашей стране еще не перевелись.

Прокручивая ленту на одном небезызвестном сайте, наткнулась на объявление о продаже домика в небольшом селе в 40 километрах от города. В доме было всего сорок квадратов, свет, газ, вода, новые батареи и слив в выгребную яму. Также к нему прилагались пять соток огородных владений с сарайными постройками и туалет модели клозет. Стоило это чудо всего двести тысяч российских тугриков. Владельцы апартаментов уверяли, что весь нехитрый скарб и мебель уйдет в пользу нового хозяина. Отлично, на первое время и хромой табуретке рад будешь.

Позвонила, договорилась о просмотре на завтра, в субботу, ибо сегодня пятница, и у хозяев другие планы, а весь следующий день у них был свободен. Мне объяснили, как добраться до поселка на общественном транспорте и дали адрес, клятвенно заверив, что обязательно подъедут к обговоренному времени. Хорошо, завтра так завтра, как говорил известный персонаж Винни-Пух, до пятницы я совершенно свободен.

Полночи не спала, ворочалась, перебирая различные варианты развития событий. Снова зашла на сайт, чтобы посмотреть домишко, и подбодрить себя в правильности выбора. Рисовала в голове различные картинки будущей счастливой жизни, насильно изгоняя из нее навязчивый образ загулявшего мужа. Под утро только уснула коротким, но ярким сном. Через пару часов проснулась, не сказать что бодрая, но наполненная до краев адреналином, который толкал на скорые свершения.

Поставила чайник, разбудила дочь, смастерила бутерброды для завтрака. Погода за окном не радовала, с утра моросил мелкий дождик, размазывая серый снег по черным лужам. Весна она такая – то дождь, то солнце, то заморозки. Ну что же, мне сегодня предстоит судьбоносный день, так что погода не станет препятствием для прорыва к намеченным целям.

Собрала свою дочь, и отправились к бабушке на пирожки с чаем. В четыре уезжает автобус с автостанции, так что и погостить успею и почаевничать с маман.

Немного поболтали, однако про проблемы с мужем не стала рассказывать, не стоит ей расстраиваться. Может, и наладится все, или я образумлюсь. Оставила Катюшку с бабушкой,

а сама отправилась на автовокзал в предвкушении новой жизни и приобретения родового гнезда за смешные деньги.

Предварительно продавцу написала сообщение, что через час буду в поселке. Ответ пришел: «Ждем». Обрадовалась, заплатила сто двадцать рублей за билет, уселась в автобус, устроилась около окна и поехала в новую жизнь. Транспорт прибыл на нужную остановку через сорок минут. Думала, ехать придется дольше. Если что, подожду, хотя погодка стояла нелетная, мерзкий дождик продолжал моросить. Заглянула в местный магазинчик, поинтересовалась, где улица Грибоедова. Продавщица вида «привет из СССР» смерила меня брезгливым взглядом, перевесилась через прилавок и оценила мою обувь. Она хмыкнула и махнула в неопределенную сторону рукой. Ну, что же, все прямо как написано в объявлении: приветливые соседи и добрые сельчане.

На улице Грибоедова асфальт кончился. Понятно, почему так скептически ко мне отнеслась тетка из продмага. На полях и в огородах еще лежал снег, на дорогах же это было просто месиво из грязи и снежной каши. Голова моя садовая, надо было резиновые сапоги надевать, а не коротенькие ботиночки. Но назад я уже не вернусь, так что придется скакать по этой каше в том, что есть. Нашла нужный мне домик. Ну да, не такой красивый, как на картинке, но забор вроде целый и крепкий, хоть на это тратиться не придется. Дернула калитку, а там закрыто. Постучала, подождала, никто мне не открыл, тишина, только дождик глухо стучит по крыше.

Звоню хозяину дома, а там ни ответа, ни привета, вот те здравствуйте, а где все. Еще раз набираю, длинные гудки, пишу в Вайбер, шлю сообщения, осталось еще письмецо написать, тишина в эфире. Ну вот, приехали. Опять тыкаюсь в калитку – заперто, и никто не отзывается. Дождь набирает обороты и уже не моросит, а просто каплет, надолго меня не хватит при такой погоде. Оглядываюсь туда-сюда, все, как продавец обещал, место тихое, соседей мало. На улице семь домов, три из них завалились. Ни с одной ни с другой стороны жилых построек нет, кругом пустыри да заброшенные развалюхи. Снова звоню, гудки идут уже короткие, и во всех мессенджерах меня в черный список занесли. Тихо матерюсь и иду на остановку. Автобус в город должен подойти в шесть часов, это мне почти час тут куковать.

Зашла снова в магазин, спросила, может, хозяйева дома ключи оставляли. Продавщица одарила меня таким взглядом, что можно было бы на него велосипед купить. Снова хмыкнула и брезгливо ответила, что она не справочное бюро и не бюро находок. Да, люди здесь однозначно добрые и отзывчивые, хотя по одному человеку все село не судят. Отправилась на остановку, постояла, подумала и вернулась к дому, может, владельцы дома у соседей каких ключи оставили, и сообщить забыли. Я все еще верила в человеческую порядочность.

Прошла по улице, но нигде мне не открыли, то ли людей дома не было, то ли они чужим не открывают. Все прямо как в городе. Промокла практически насквозь, грела меня только одна мысль, что через полчаса подъедет автобус, и я укачу назад к своим баранам. Но в этот раз я снова не угадала: просидев сорок минут на остановке, автобуса я так и не дождалась. Позвонила в автовокзал, диспетчер мне сообщила, что транспорт по дороге сломался, и когда его наладят – неизвестно, в общем, не жди меня мама, заблудшего сына. В голове эхом прокатилась бардовская песня «Мать, мать, мать».

Ну что же, не все еще потеряно, буду вызывать такси. И тут меня ждало небезызвестное дерево фиго, ну или жилище индейцев виг вам.

– В вашу сторону машин нет, – ответила мне диспетчер. – Поищите местного извозчика.

Да где же я его возьму-то, на улице ни души, даже собаки в будки попрятались в такую погоду. Одна я, неприкаянная душа, хожу-брожу по улицам. Вот тебе и купила домик в деревне. Позвонила мужу, а у него абонент не абонент. Понятное дело, любовь-морковь, телефон отключен, чтобы всякие не мешали. Что делать, ума не приложу.

Не было бы счастья, да несчастье помогло

Снова ткнулась в калитку в надежде, что, может, пока я бродила, появились хозяева. Но нет, снова дома нет никто. Ночевать на улице в такую погоду тот еще квест, да и не факт, что утром придет маршрутный автобус, ну может, частники появятся. Но где наша не пропадала, прорвемся.

Вспомнился мне тогда один случай из моей жизни, как меня первый супруг посреди ночи на улицу, на мороз в одних тапочках и ночной рубашке выставил. Дверь закрыл и сам спать лег спокойно. Надоела я ему, видите ли, в два часа ночи. Настучал мне по лицу предварительно. И вот стою я тогда вся такая красивая, реву, и снегом слезы вытираю, чтобы на морде лица синяков не осталось. До соседей не достучалась, да и стыдно мне тогда было: хороших жен на улицу не выгоняют, значит, сама виновата. Ни денег, ни мобильного телефона, ничего. Ночевала я тогда у соседей в холодной бане, благо у них там старые куртки висели. Завернулась и сидела на лавке, пока совсем замерзать не начала. Три часа, оказывается, можно на адреналине в холоде просидеть, и все жарко будет. Потом снова к дому пошла, стучала во все окна, звонила. Не открыл. Дверь дергала и ломилась, до тех пор, пока щеколда не разболталась и не отошла. Тогда-то я домой и попала.

Ну а здесь, думаю, выход-то найдется. Отошла от домика оглядеться, справа дом заброшенный, уже почти в землю ушел, и крыша обвалилась, и стены покосились, лезть в такой – только калечиться. Слева дом тоже пустой, окна заколоченные, но крыша вроде еще на месте, но кто его знает, что там с полами, провалишься и ноги переломаешь. Напротив дом стоит, темно в окнах, но вроде жилой, забор глухой, высокий. Может, в дальней комнате кто есть, а мне с улицы и не видно. Стучусь в калитку, звоню, в звонок, кричу, прошу мне открыть, но все как в той песне «Крикну, а в ответ – тишина». Грустно мне стало, тоскливо, слезы на глаза навернулись, замерзла, как последняя собака, зуб на зуб не попадает. Привалилась я к чужой калитке, локоток на ручку поставила и стою реву себе. Вот сейчас проревусь и полезу в чужом заборе брешь искать, придется по чужим владениям пройти на свой страх и риск.

Но тут калитка под моим натиском-то и поддалась, видно, ручка там интересной конструкции. Ввалилась я в чужой двор. Эх, думаю, сейчас как выскочит, как выпрыгнет на меня псина зубастая и покусает еще для полного счастья. Сама иду, по сторонам озираюсь и боюсь. Дошла до ступенек, поднялась, и к двери, а там такой хороший амбарный замок висит. Плюхнулась я на лавку рядом с домом, хорошо хоть навес сверху, не течет на голову, и сижу дальше думаю, куда пойти, куда податься. Темно уже, сумерки, видно плохо. С правой стороны вроде банька с летней кухней, да сараюшки, надо, наверное, туда двигаться. Тут на перила прыгает огромный рыжий кот, я таких только на картинке в интернете видела, что-то типа мейн-куна. Встает этот красавец на задние лапки и сбивает откуда-то сверху связку ключей. Падают они аккуратно мне под ноги. И хрипло так мне говорит: «Мау», дескать, чего сидишь, бери ключи, идем домой.

Ключи подобрала, а в голове вертится, какая там статья-то за проникновение в чужое жилище и сколько там за это все сроку дают. Эх, была не была, может, штрафом отделаюсь, а может, так обойдусь, если хозяева дома люди понятливые. Не люблю я эти навесные замки, вечно их открывать сложно, то ключ застрекает, то потянуть надо определенным образом, но этот открылся на удивление легко. Однако оказалось, что там еще на пару внутренних замков заперто, и эти я открыла быстро. Ввалилась в дом, на всякий случай поздоровалась, вдруг кого заперли. Тихо, только в какой-то комнате часы настенные тикают. Тепло, значит, живет кто-то, отапливает. Как же мне стыдно да неудобно и страшно.

Свет включила, будь что будет. Я вся насквозь промокла: и куртка, и джинсы, и обувь, все мокрое, как говорится, до трусов. Стащила с себя куртку, положила на пол, потом поищу

куда повесить, так, чтобы ничего не намочить, ботинки грязные сняла, в уголок поставила. Заглянула в ближайшее помещение слева. Там оказалась кухня. Свет включила, огляделась. Просторная кухня, все, как у всех: стол, диванчик в углу, шкафчики кухонные, плита, раковина и отключенный холодильник с открытыми дверцами. На столе лежат какие-то бумажки, краем глаза глянула – объявления о продаже дома. Наверно, и этот дом продается. Сполоснула чайник, налила воды из-под крана и поставила на плиту греться.

Стащила с себя мокрые джинсы и колготки. Представила: вот заходят хозяева к себе домой, а тут у них на кухне баба сидит без штанов, и так мне смешно стало, вот о чем люди-то подумают. Набрала номер, что был написан в объявлении, абонент есть и в Вайбере, и в Ватсапе, и сейчас в сети. Пишу: «Добрый день, вы дом в Октябрьском продаете по улице Грибоедова?». Пока жду ответа, ищу в сумке гольфы. Порадовалась, что привычка у меня есть такая – носки всегда в запасе держать. Телефон пиликнул: «Добрый вечер, да, еще продаю. А вы откуда узнали, продавщица сказала в магазине?». Ну да, ну да, та самая добрая женщина. Пока общались с продавцом, я нашла полотенце, чтобы голову мокрую после дождя вытереть. Потом все возьму.

Как мне продавец объяснил, дом после бабушки, квадратов восемьдесят, а то может, и более, точно он не помнит. Газ, вода, септик, все удобства, огородные и садовые владения соток двадцать, баня, летняя кухня, сараюшки всякие, ну и куры в придачу. За все хозяйство просит триста пятьдесят тысяч рублей. Странно как-то, за такой же дом в соседнем селе в два раза больше цена. Объяснил он это тем, что, дескать, деньги срочно нужны, да и разбирать все барахло и выбрасывать ему некогда. Потом добавил, что он сейчас на вахте, и если я подожду, то по такой стоимости он мне все и продаст. Спрашиваю, как же мне дом посмотреть. Призадумался хлопец минут на пять, потом объяснил, как калитку открыть, где ключи висят. Предложил этот месяц пожить за квартплату, вроде как и ему за домом присмотр, ну, и я не пере-думаю – сплошная выгода.

С чистой душой и спокойной совестью пошла я свои новые владения осматривать, хоть и не купила еще, а душа уже радуется. Обошлось ведь, не простыть бы еще после таких прогулок. А тут и сообщение приходит от продавцов того маленького домика: «Вы еще не передумали?». Ребята, вы серьезно думаете, что после такого я буду у вас что-то брать. Затрезвонил телефон, набрала я в легкие побольше воздуха, да и занесла их в черный список, нехай дальше продают свой дом эти добрые и ответственные люди.

Ночевка в своем-чужом доме

Верх рубашки тоже промок, если долго в такой одежде ходить, то и простыть можно. Ну что же, посмотрим, что там есть в чужих шкафах. С одной стороны, носить чьи-то вещи не очень, а с другой – не до жиру, быть бы живу. Напротив кухни оказался зал, метров двадцать, не меньше. Комнату украшала печь в виде колонны с изразцами, красота неимоверная. Потрогала плитку, глазурь выпирала под пальцами. Рядом лежала аккуратно сложенная поленница из нескольких чурбачков. Переоденусь, затоплю обязательно.

На стене висел яркий красный ковер, привет из восьмидесятых годов. Рядом стоял новый угловой диван. Между двух окон – круглый стол с вишневой бархатной скатертью. Вокруг него хоровод из венских стульев. Всю левую стену от пола до потолка занимал самодельный деревянный шкаф, разделенный на секции: шифоньер, сервант и книжный шкаф. Раньше такое называли мебельной стенкой. В углу примостилась тумбочка с телевизором «Шарп». Открыла дверцы шифоньера, все полки были забиты бельем: простыни, комплекты постельного, полотенца и т. д. Все новое, с этикетками и в упаковке. Жалко стало бабушку, которая все это собирала и не пользовалась, берегла кому-то, а достанется все чужому человеку. Надо будет хозяину дома о находке написать, может, что-то заберет.

Вытащила упаковку с розовым махровым халатом – как раз то, что нужно. На этикетке написано по-русски: «Произведено в Китае». Эх, какое качество раньше было, не то, что сейчас. Оторвала бирки, встряхнула, постирать бы, ну да что теперь делать, поморщилась и натянула так. «Мау» услышала я у своих ног. Кот смотрел на меня вопросительно.

– Дружочек, чем же я тебя накормлю? В сумке карамельки и ириски есть, но ты же их не будешь. Сама голодная, надо было у мамы хоть пирожков прихватить. Может, тебе водички налить?

Кот недовольно фыркнул и ушел из комнаты. На кухне закипел чайник. Животинка-то права, надо бы что-нибудь перекусить. В пустом холодильнике стояла закатанная банка с каким-то вареньем. Пошарилась в шкафчике: полпачки макарон, стакан манки, мука в мешочке, гречка в пол-литровой банке, одна треть бутылки постного масла, немного риса и пшенки. В корзинке лежал сморщенный картофель, пара морковок и две луковки. Небогатый урожай, но лучше, чем ничего.

– Давай-ка мы с тобой, дружочек, макароны с луком и морковкой сделаем?

– Мау, – ответил мне котяра и потрогал лапкой мою ногу.

Повернулась к нему – рядом со мной лежала мышь. На, дескать, угощайся, ничего для тебя не жалко, ешь, если сама поймать ничего не можешь.

– Спасибо, мой хороший, не могу я от тебя такие угощения принимать, сам кушай свою мышку, – погладила его по головке.

Кот повел ушами и утащил свою добычу в коридор. Нашла сковородку, поставила ее на огонь, налила масла. Бросила туда нарезанный лук и морковку, слегка потушила и насыпала горсть макарон. Залила водой и прикрыла крышкой. Можно теперь и почаевничать, горячий чай просто необходим при переохлаждении. В верхнем шкафу нашла початую пачку с цейлонским чаем и пакетики с травками. Все перенюхала: смородиновый лист, мята перечная и Melissa, дикая мята и вишневый лист, душица и лимонник, плоды шиповника, жасмин, иван-чай. Любила бабушка чай с травками пить. Заваривать в заварнике не стала, бросила так в чашку щепотку черного и по несколько листиков разных травок и прикрыла блюдцем.

Пока готовится и заваривается, надо проверить, где же тут находятся «все удобства в доме». В конце коридора обнаружила заветную дверь. Помещение большое, новый пристрой. Туалет отгорожен, душевая кабина, раковина, стиральная машинка и добротный газовый котел. Все условия для проживания. Красота, одним словом.

По дороге на кухню заглянула в другие комнаты. Соседняя с санузлом привела меня в некое замешательство. Четыре двухъярусные кровати, старенький шифоньер, стол у окна и кресло-кровать около входа. Странно как-то, может, к бабушке столько родственников приехало, что и разместить места не было. Рядом с залом маленький кабинет с книжными шкафами, диванчиком и столом. Напротив спальня бывшей хозяйки: ковер на стене, кровать-односпалка, шифоньеры, комод и швейная машинка.

Пока осматривала новые владения, приготовился мой незамысловатый ужин. Часть макарон насыпала коту в блюдце, тот для приличия съел пару штук и сел на соседнюю табуретку умываться. Ну да ладно, ночью может, стрескает. Написала продавцу про текстильные сокровища. Отписался, что не надо ему ничего из этого дома, если фотографии найду, то он их заберет. Ну, хозяин – барин, не надо так не надо.

Затопила печку, оказалось, что дверца из огнепрочного стекла и можно на пламя смотреть сквозь него. Выключила свет, прилегла на диван, натянула на себя лежащий тут плед и, видно, задремала. Только вижу, в дверях женщина стоит:

– Ну что, родная, вернулась? Ты не бойся меня, я хозяйкой в этом доме была пятьдесят лет, а теперь этот дом твой. Там книги, тетради, записи мои, пользуйся, много всякого для помощи людям, сама потом найдешь, разберешься. Делай все по совести, как тебе сердце подсказывает, и если что, меня спрашивай, я найду, как тебе подсказку оставить. Прошенька тебе помощником хорошим будет, ты его не обижай. Ну и охрану для дома я тебе оставила.

Погладила она меня по руке и ушла в коридор. Вскочила я с дивана, а рядом нет никого, только Прошенька похрапывает в ногах. Вот так сон приснился на новом месте. Мысли в голову полезли про мужа, про дочь, про переезд. Отогнала все прочь, думать буду завтра, а пока спать, вон там какое снотворное посапывает сладко.

Утром проснулась от того, что кто-то меня за нос трогает. Глаза открыла – «мау», и убежал в коридор, начал там в дверь скрестись, выпусти меня, дескать, погулять. Открыла ему и не выдержала, сама вышла. Воздух такой после дождя чистый, пахнет весной, за ночь снег хорошо просел. Смотрю, а по дорожке какой-то здоровенный гражданин к калитке идет и в руках лопату тащит, наверно, мою.

– А ну, стоять, лопату положь, – скомандовала я.

– Это моя лопата, я Семеновне давал, – пробасил гражданин не гражданской наружности.

– Врешь, – крикнула я ему и кинулась в дом обувнапяливать, сунула ноги в чьи-то галоши и рванула за вором вслед.

А он уже за калиткой скрылся. Выскакиваю на улицу, а товарищ около заброшенного дома ничком лежит, и его огромная собака за ворот куртки треплет.

– А-а-а, уברי своего волкодава, – заорал товарищ.

Посмотрела я внимательно на пса, да не собака это, а волк, и ноги у меня как-то ватными стали. Тот голову поднял и смотрит на меня желтыми глазами, развернулся и потрусил в наши бескрайние степи. Подошла к гражданину, наклонилась, а от него перегаром разит на всю деревню. Подняла лопату и собралась уже домой идти. Разворачиваюсь, а тут «Нива» подъезжает, выскакивает из нее товарищ полицейский в форме да теплом тулупе.

– Васька, чего это ты тут уже с утра пораньше буянишь? Разлегся посреди улицы.

– Я к Семеновне за своей лопатой зашел, а тут эта на меня псину свою натравила. Что же это, люди добрые, делается, посреди бела дня на человек собак спускают. Я жаловаться буду, напишу, куда следует.

– Васька, да у тебя отродясь лопаты не было. Возьмись за ум, мать пожалей. – Я участковый местный, Александр Павлович Сидоров. А вы Семеновны родственница или новая хозяйка? – обратился полицейский ко мне.

– Хозяйка новая, Агнета, – представилась я, – пойду я, а то холодно.

– Вы калитку и дом запирайте, а то у нас тут ходят всякие, – покосился Александр на местного забулдыгу.

– У-у-у ведьма, зажала лопату, – насупившись, сказал мне Васька, пытаясь встать с земли. – Я из-за тебя весь в грязи извалялся, и встать никак не могу.

– Пить будешь, вообще забудешь, как ходить, – ответила я ему и отправилась в дом, помахав напоследок участковому рукой.

Ну вот и познакомилась с местной достопримечательностью, хорошо хоть участковый у меня документов не стал спрашивать. Хотя видок у меня был вполне домашний: розовый махровый халат, полосатые гольфы да резиновые галоши и лопата в руках, хорошо хоть не метла.

Завтрак надо себе организовать, продавец говорил, что с домом мне еще и куры достаются, надо поискать, где тот самый курятник. Заперла калитку, лопату поставила около дома и пошла по еле видной тропке за сараюшки. Курятник я обнаружила по звуку. Открыла дверь, и закрыла. Сколько там не убиралась, неизвестно. Снова открыла, набрала в легкие воздуха и зашла, практически не дыша. Сейчас бы маску на нос медицинскую. По курятнику деловито расхаживали пять разномастных курочек, дохлой птицы я не обнаружила. Для них была установлена автоматическая кормушка и поилка, так что от голода и жажды они не страдали, а вот с чистотой была беда. Переодеюсь и почищу, а пока меня интересовали только яйца. Нашла около десятка, думаю, там больше было, но глаза щипало от ароматов. Взяла столько, сколько в руках уместилось, и отправилась готовить.

В воскресенье автобус уезжал из деревни в десять утра и в шесть вечера. Пока только девять, надо решить, утром ехать в город или вечером.

Сюрприз в шкафу

Остатки вчерашних макарон залила яйцами, завтрак вредный, зато вкусный. Решила все же воспользоваться заварочным чайником, грех такие замечательные травы в чашке бултыхать. Полезла в шкафчик искать чайничек, оттуда выпала тоненькая школьная тетрадка в клетку. Такие еще по двенадцать копеек продавались. Завернута она в целлофановую самодельную обложку, название «Как вести дом».

Любопытно стало, что же там написано. На первой странице приветствие будущей хозяйке дома, ну а дальше вклеена инструкция к газовому котлу с пометками на полях. Написано, что делать, если не так зашумит, не так загудит, телефон мастера указан. Даны инструкции к стиральной машине и холодильнику с телефонами мастеров. Описания куриных поилок и автоматической кормушки. Много таких мелочей, которые могут в быту пригодиться, например, когда чистили дымоход в печке, когда баню строили, сколько пустых банок в подполе и тому подобное. Как-то тепло было от этих записей.

Но, как говорится, война войной, а обед, то есть завтрак, по расписанию. Угостила кота Прохора макаронками и отправилась чистить курятник. До автобуса еще сорок минут, авось управлюсь за полчаса. А вот и не угадала, мы же люди городские, с какой стороны подходить к этому процессу, чтобы быстрее было, неизвестно. И ботинки все изгвадала, калоши надо было натягивать, да и куртка вся провоняла. Выскочила я из курятника через пятнадцать минут, это вот додуматься надо было – лезть в нормальной одежде и без подготовки. Сидели хохлатые гражданки несколько недель в своем добре, вот и за один день с ними ничего не случится.

Вернулась в дом, привела себя в порядок, ботинки помыла, почистила и вся такая красивишна по грязи пошлепала на остановку. Пришла без пяти десять, никого нет и автобуса нет. Потопталась десять минут и направилась в магазин. Вчерашняя продавщица подкрашивала губы, смотрясь в маленькое зеркальце от старой пудреницы.

– Утро доброе. А вы не знаете, автобус сегодня будет? – поинтересовалась у нее.

– Доброе, доброе. Утром не будет, только вечером. Сегодня Колькина смена, а он вечно по выходным «ломается», – хихикнула продавщица, пошлепав губами, чтобы помада лучше размазалась. – А ты дождалась своих с улицы Грибоедова?

– Не-а.

– Где ж ты ночевала? – охнула продавщица.

– Я других нашла на Грибоедова.

– У Семеновны, что ли?

– Ну да.

– И не страшно было?

– Нет, – помотала я головой.

– Меня Марина зовут, – представилась женщина. – Тебе в город надо срочно?

– Меня – Агнета. Да не так уж и срочно, но вечером нужно уехать.

– Вечером Колька точно выйдет в рейс, студенты поедут на учебу, кто в гости приезжал – домой, да на работу многим надо, – успокоила она меня.

Ну, значит, надо кое-каких продуктов прикупить, не сидеть же голодной весь день. Спросила про хлеб, она мотнула головой, сказала, что хлеб по воскресеньям не привозят, пекарня частная, выходной у них в этот день.

– На другой стороне деревни еще один продуктовый есть, может, там хлеб остался. У нас тут есть хозяйственный магазин, детский сад с начальной школой, клуб и ФАП. У тебя детки есть?

– Да, дочка.

– Учится? У нас средняя школа в другом поселке, но школьный автобус за ними каждый день приезжает.

– На удаленке.

И тут продавщица пустилась в пространные рассуждения о ситуации в стране. Я покивала головой в знак солидарности, купила лоток куриных бедер и пачку печенья, решила капитальные закупки сделать в следующий приезд.

– Ты к ней в подпол загляни, старуха запасливая была, там и картошка должна быть, и закрутки всякие, – крикнула мне Марина вслед.

Я поблагодарила и отправилась в свой новый дом. Не такая уж и плохая эта Марина. Хотя лучше с местными жителями ухо держать остро, как, впрочем, и с городскими, везде хитромудрые найдутся. Я лезла по грязи и мечтала о резиновых сапогах, как бы они мне сейчас пригодились.

Зашла в дом, слышу грохот в зале. Скинула ботинки и в комнату нырнула, а там вижу: верхние антресоли у шкафа открыты, и пакет на полу с чем-то валяется. Заглянула и ахнула – сапоги резиновые, новые, да еще и мой размер, да с внутренним мягким сапожком. Сказка, да и только. Теперь можно и курятник почистить, и по грязи пройти. А вы говорите, нет в жизни счастья, а счастье-то в мелочах: в теплом доме, в целой крыше над головой, во вкусном чае, в сытости, в здоровье близких. Вроде это и вещиизмом назвать можно, мещанством, но счастье-то от названия не меняется.

Вот как интересно одна ночь все изменила, проблемы с мужем отступили на второй план. Все мысли теперь о доме, что прикупить надо, где ремонт сделать, что на огороде посадить, как все добро, нажитое непосильным трудом, перевезти. Комнату эту странную разобрать.

До вечера еще времени много, надо бы полы помыть везде. В ванной видела ведро с тряпкой и шваброй. Вооружилась всем необходимым инвентарем, насыпала пару ложек соли в воду и принялась все намывать. Начала с той странной комнаты с нарамами. Как туда заходишь, так мурашки по коже бегут, и волосы на голове шевелиться начинают. Вот как будто там кто-то или что-то есть. Надо будет потом со свечкой все углы обойти, нечистую силу с пауками погонять. Только об этом подумала, хлопнула дверца шкафа, и белье постельное так целым пластом и вывалилось. Видно, неудачно сложили, вот оно и посыпалось.

Стала убирать, а на полу маленький сверточек валяется, из бумаги белой и тряпочки сделанный, да вроде бечевкой перевязанный. Пригляделась повнимательней, не бечевка это, а веревка, из человеческих волос сплетенная. Мне аж дурно стало, а перед глазами картинка пронеслась, как какая-то женщина эту гадость под белье сует. Оглядывается, суетится, понимает, что гадкое дело творит, но продолжает пакостить. Под нос шепчет что-то. На кровати вроде как её муж лежит, от кашля задыхается. Не смогла, видно, бабулька помочь, а тетка решила отомстить. Как только таких гадин земля носит.

Руками такое брать нельзя. Рядом с печкой газетки лежали для растопки, вот ими и воспользуюсь. Потом эту гадость надо вынести на улицу и спалить, в доме сжигать не следует, да в собственном дворе тоже. Подцепила на газетку подклад, кинула в карман спички и понесла на зады. До курятника дошла, а тут и кончилась тропинка, дальше и не чистили, а что там под талым снегом лежит – неизвестно. Как-то в детстве у бабушки я в навозную яму по пояс провалилась. Повторять эксперимент не хотелось. Придется мне гадость эту около заброшенных домов на основной улице сжигать. Хоть бы никто не увидел, а то подумают всякое и в спину плевать будут, или того хуже – дом подпалят, скажут – ведьма приехала.

Перешла через дорогу, пролезла по талым сугробам, хорошо в новых-то резиновых сапогах, лепота. А вот тут кусок кирпичный от стены отвалился, на нем костер и разведу. Сложила газетку с «прелестью» на импровизированный стол и подожгла. Дымит, трещит, а гореть не хочет, и газетки вроде сухие, должно было хорошо разгореться. Сама головой верчу, хоть бы никого не было на дороге. Еще несколько спичек зажженных кинула, подула, считалочку спела

«Гори, гори ясно, чтобы не погасло». Как вдруг оно полыхнет, за минуту все и спалила. А теперь это все нужно прикопать, зло должно в землю уйти. Лопату-то с собой и не взяла, эх. Придется подручными средствами.

Слышу, тарыхтит что-то по дороге, близко уже, в дом не успею убежать. Может, мимо проедут, ну подумают всякое, ну и ладно, сгорело же уже. Поравнялась со мной знакомая «Нива», притормозила. Выскакивает оттуда добрый молодец участковый.

– Агнета, все у вас в порядке? – и заглядывает мне за спину.

– Да вот, крысу в бане нашла. В интернете прочитала, что они могут быть переносчиками мышинной лихорадки и чумы, решила сжечь на улице. А то вдруг у меня кот жареную тушку съест и заболеет, – лучше показаться глупой, чем прослыть той самой нехорошей женщиной с метлой.

– Ну что вы, можно было и в банной печке сжечь, а не тащиться к заброшенному дому. Тут битых кирпичей столько, что можно и ногу подвернуть, а то и на гвоздь ржавый напороться. Идемте, я вас до дому провожу, – протянул он мне руку, участливо заглядывая в лицо, мол, убогая, что с нее взять.

Не успела закопать, но может, дождь пойдет, все смоем, да и в землю уйдет, или сама попозже с лопатой вый-ду. К калитке уже подошли, повернулась попрощаться, а там тот самый волк пепел в снег закапывает. Видно, это и есть мой помощник и охранник, про которого бабушка говорила.

Еду в новую жизнь

Воду после уборки той комнаты поменяла, на улицу вылила, здесь же не город, канализация – септик, да и «добро» всякое нужно в землю отправлять. Остальная уборка дома прошла без проблем, больше сюрпризов не находила, но не факт, что их там нет. Потом все матрасы в той комнате переверну, все перетрясу, да сожгу их для порядка. Как вот бабушка всех подряд в свой дом пускала, ведь люди всякие, кто с добром идет, а кто и зло несет или сам зло в чистом виде. Видно, на то была воля высших сил.

Добралась я и до несчастного курятника. Все вычистила, свежей соломки несущкам постелила, воду в поилке поменяла. Яиц собрала целую корзину, надеюсь, тухлых там нет, надо будет каждый раз перед готовкой проверять. Пока убиралась, курочки мои по загончику ходили на улице, солнцу радовались, травку искали. Проша на штaketнике сидел, за ними и за мной зорко наблюдал, но на птицу не посягал.

Так в трудах и заботах дело к обеду подошло. Поджарила себе куриное бедро и отварила гречки. Положила все в тарелку и пошла есть на лавку перед домом да любоваться на свой пробуждающийся сад. Работы тут, конечно, предстоит немерено, но видно было, что за деревьями ухаживали, и нет здесь таких зарослей, как в заброшенных дворах. Рядом уселся кот, жмурился на солнышке, умывался и периодически на меня лапку складывал, чтобы я с ним курочкой поделилась. Мне и не жалко, ешь, дружок.

Тихо здесь, не так, как в городе, нет шума машин, так, иногда, раз в полчаса протарахтит какая-нибудь. Птички щебечут, где-то петух орет, собака иногда взбредет залиvisto. Лепота. Доела, вкусно-то как, и деревенский воздух как приправа. За чаем сходила, еще полчаса посидела. Дом внутри видела, а вот снаружи и не осматривала. Полезла по сугробам кругом здание осмотреть. Низ каменный, а вот первый этаж весь из дерева сложен, бревна потемнели от времени, но ни одного гнилого нет, бревнышко к бревнышку, и щелей нигде не заметила. В таком доме зимой тепло, а летом прохладно. Для нашего региона такой дом – дорогое удовольствие.

В подпол в этот день решила не лезть, одной страшно, мало ли какая там лестница, упадешь и на помощь позвать некому. Да и пока нет надобности. Во дворе еще погребку заметила, запасов можно теперь много делать. В огороде теплица стоит самодельная, из старых оконных рам сделанная. Можно рассады прикупить и поставить туда, или же на следующей неделе самой все посеять сразу там. Когда-то у меня была легкая рука, да и в огороде нравилось возиться. Утром встанешь, а уже полная грядка огурцов, маленькие, хорошенькие, так в рот и просятся или в банку на засолку. Помоешь, друг об друга два огурчика потрешь, и сидишь с дочкой, хрустишь, а они сладкие и пахнут так вкусно. Эх, огурцов так захотелось. Посажу в этом году обязательно, и кабачки, и помидоры, и еще что-нибудь.

Беспокоил еще один насущный вопрос, который нужно было решить до отъезда в город, – это интернет. Наша с дочерью учеба и работа была завязана на этой Всемирной паутине. На телефоне летал отлично, но через него работать не будешь. Поинтересовалась у продавца, как обстоят дела с интернетом. Через пять минут пришел ответ, что где-то в доме стоит роутер от одного российского телефонного провайдера и там все оплачено на три месяца вперед. Настроение и так было отличным, а здесь еще такие приятные новости, не жизнь, а сказка. Действительно в маленьком кабинете обнаружила небольшую коробочку на настенной полке. Проверила при помощи мобильного, все функционирует.

Продавец написал, что бабулька была активной пользовательницей интернета, находила там всякие современные штучки для улучшения ведения хозяйства, с кем-то общалась и много читала. Молодец какая, пользовалась всеми благами современной цивилизации. Он снова спросил, не передумала ли я брать дом, ну как тут можно отказаться. Не выдержала, поинте-

ресовалась, почему так дешево, хотя о таких вещах спрашивать не рекомендуется, а вдруг цену накинёт или скажет, что такая корова нужна самому.

Ответа долго не было, я уж думала, что и не будет, ну мало ли, человек ведь на работе, да и вообще. Потом пришло целое письмо: «Во-первых, покупателей я не искал, некогда было, повесил объявление на сайте, а его все время модераторы снимали. Если честно, цена была на 150 тысяч больше. Звонили только риелторы. Один раз ездил знакомым дом показывал, но там какая-то чертовщина началась, мы так до него и не добрались. Сначала застряли, затем сломались. Во-вторых, мне все бабушка снилась, умоляла, чтобы не продавал, а потом и угрожать начала всеми карами.

В-третьих, жена жить в деревне не хочет, у нее работа, подруги, родители, вся ее жизнь в городе. Ну, а в-четвертых, нужны деньги, хочу быстрее ипотеку погасить, чтобы не тянула. А вот тут вы свалились, накануне бабушка приснилась, сказала, приедет покупательница, дом продавай за 350 тысяч, и я от тебя отстану. В эту ночь хоть спал спокойно, вымотала она меня». Ну и замечательно, у меня камень с души свалился, неприятно думать, что человека обманываешь, вроде как он и не знает, сколько это стоит. Да и боязно, с одной стороны, дешево брать, вдруг там какие-то скрытые огрехи. А так все ясно и понятно.

Стрелки часов неумолимо подходили к заветному времени, надо было собираться ехать в город. Перекусила остатками гречки да чаем с печеньем. Взяла десяток яиц для мамы и пошла на остановку. Там уже собрался народ, человек десять, тетки с баулами, пара студентов, какая-то бабулька и два крепеньких мужичка в возрасте. Местные или неместные, кто его знает. Особо никого не разглядывала, некогда было, подошел полупустой автобус, и мы всей толпой загрузились в него. Свободные места остались только сзади, но мы же не гордые, и на колесе можем посидеть. Ехала и все думала, как я своим скажу, что дом покупаю, что в деревню решила перебраться, а что муж скажет, что мама. Да ну их, они живут своей жизнью и моим мнением не интересуются. Пока никому ничего говорить не буду.

В городе пересела на другой автобус и доехала до мамы. Оставила ей яйца, предупредив, чтобы перед готовкой проверяла, мол, соседка по акции где-то купила, со мной поделилась. Забрала дочь, и мы поехали в городскую квартиру. По дороге поделилась с ней, что жить теперь будем в деревне в большом доме. Не особо она и расстроилась, говорит, все равно никуда не выхожу, а тут хоть на велике можно спокойно гонять и на речке купаться.

Дома собака разнесла половину квартиры, валялась на диване и кроватях, перетаскала всю обувь на кресло, стянула одежду с сушилки, напакостила на кухне. В общем, развлекалась, как могла. Радостно и виновато нас встречала. Не голодная, я ей в миске воду и корм сухой оставила. Извинилась перед своей собачкой, не знала, что ночевать домой не приду. Маруся вилыла хвостиком и ластилась. Ей тоже рассказала, что скоро жить она будет в большом доме, вот только не знаю, как на нее Проша среагирует, не будут ли они с ней драться.

Вечером перебирала одежду, вещи. Как много хлама скопилось за эти годы совместной жизни, как много надо выбросить и раздать. Опять ревела, жаль расставаться с прошлым, но и жить так уже немогуту. Пришло сообщение от мужа: «Ты завтра дома будешь? Я приеду за вещами». Ну вот и все, кончилась вся моя семейная жизнь. Вытерла слезы с соплями, и пошла на помойку всякий хлам выбрасывать.

Утром потратила два часа на работу, сделала минимальный объем, заполнила товарные карточки для интернет-магазина. Приготовила обед, собрались с дочерью есть, а тут и муж заявился. Его за стол позвала, не стоит выяснять отношения, ведь каждый из нас уже все решил. За обедом болтали ни о чем, о погоде, о его работе, о дочкиной учебе. После еды он зашел в спальню, увидел собранные пакеты.

– А ты куда собралась? Я же говорил, что ты жить можешь здесь, столько, сколько захочешь, – сердито сказал муж.

– Я дом сняла в деревне, уеду на весну-лето туда, а там дальше видно будет.

– А квартира, значит, пустая стоять будет. Почему опиум для народа? Задаток уже отдала? – он был явно недоволен.

– За квартплату да за присмотр. Дешевле, чем тут за квартиру платить.

– Ой, а ты прям так и платила, я сам это делал и дальше бы платил. Я тебя не гоню, чего еще тебе надо, в сытости да в тепле. Может, я еще передумаю там жить.

– А ты про душу-то мою подумал, не единственным бутербродом жив человек.

– Тебе, может, помочь переехать? Все собрала? – поинтересовался он ехидно.

– Весенние, летние вещи взяла, заберу мультиварку и хлебопечку. За зимним потом приеду. Собаку с собой возьму.

– Собаку оставь, она моя.

– Вот нужна она твоей пассии, там у нее своей живности хватает.

– Ладно. Ты там продукты оставшиеся заведи. Все равно тут никого не будет, чего добру пропадать. И помоги мне, пожалуйста, собраться, – сменил он гнев на милость.

Ну что же, помогу, коли не шутишь. Сняла с сушилки мятые рубашки и майки, сложила в сумку, там мадам сама погладит, чистое, да и ладно. Показала, где носки лежат и джинсы. Мыльно-рыльные принадлежности ему принесла. Собрала болезного.

Пошла сама до конца собираться. Покидала в пакет заморозку, пару банок с вареньем, да кое-какую крупу и рожки в целой упаковке, а все начатое ему оставила. Он в это время наши с дочерью вещи грузил в машину. Спросил про мебель, буду я что-нибудь забирать или нет. У дочери в комнате целый гарнитур, но ставить его пока некуда. Как с ремонтом разберусь, так и заберу. А ему ответила, что сейчас брать ничего не буду.

Загрузились мы в машину и поехали в новую жизнь, на новое место.

Страшный зверь коза

До деревни мы доехали без приключений. С одной стороны я жалела, что поддавалась первому порыву и согласилась на предложение помощи мужа, а с другой стороны, пусть помогает, не развалится. Подъехали к дому.

– Эта, что ли, твоя развалюшка? – ткнул пальцем муж в соседский домик.

– Нет, этот дом, – кивнула я на свое новое жилище.

– Ого, забор хороший. Давай глянем, что там за калиткой. А то, может, я сам захочу такой домик прикупить. У тебя нет денег на такое, – хохотнул он.

Вот как дам тебе сейчас пакетом с заморозкой по ушам, чтобы не зазнавался. Вот никогда не понимала мужиков: живут они с женщиной год, два, десятки лет. Вроде хорошо живут, все им нравится, бывают иногда разногласия, ну куда без этого. А тут – бац, играй, гормон пришел, и они начинают ненавидеть всеми фибрами души свою экс-супругу, к которой еще месяц назад испытывали теплые чувства. Что это за безобразие? Ну, оставайся ты человеком, приди, повинись, объяснись, забери свои манатки и иди уже в свою лучшую жизнь. Нет, надо вылить ушат грязи на бывшую, разругаться в пух и прах с ней, чтобы ни шагу назад, уж чтобы наверняка.

Перетаскали все вещи в дом. Муж по-хозяйски обошел все владения. Собака радостно пробежалась по комнатам, обнюхала Прошу, который обалдел от такой бесцеремонности.

– Хороший дом, мне нравится. Телефончик хозяина не дашь?

– Не дам. Он продавать его будет только через полгода, когда в наследство вступит.

– Жаль, а то подумал, что никак продать не может, вот и квартирантов пускает, а тут вот такая оказия. Ну, я могу и полгода подождать, – криво усмехнулся некогда благоверный.

Он вдруг развернул меня к себе, заглянул в глаза.

– Агнет, не злись на меня, прошу. Ну, вот так получилось, я сам не ожидал от себя такого, думал, интрижка очередная, а тут вот, видно, все серьезно.

– Машину жалко стало? – поинтересовалась я.

– Да, жалко. Ты как злиться начинаешь, так она ломается и все в доме ломается, и на работе у меня компы ломаются. Знаешь, сколько я денег в ремонт авто вкладываю? Я бы их лучше тебе отдал, – выдал он.

– Ну, дай, – я усмехнулась и протянула руку ладошкой вверх ему под нос.

– Сейчас, – полез он в карман и достал мобильник, – все, получите, распишитесь.

На мой телефон пришло сообщение, посмотреть баланс при нем не стала.

– Коварная ты женщина, Агнета, второй муж от тебя мешком картошки откупался, а с меня денег требуешь.

– А первый здоровьем и зрением, так что деньгами – это по-божески.

– Все это предрассудки, бабкины сказки. Хотя мне Оля сказала, что ты ведьма.

– Ты десять лет со мной прожил и не знаешь, какая я, и Олю эту слушаешь? Уходи, давай, тебя ждут в другом месте.

– Не обижайся на меня, Агнета, я зарплату получу и еще тебе немного денег скину на карту, – заискивающе ответил он.

Проводила гражданина до калитки, закрыла. На душе скребли кошки. В дом зашла и давай рыдать: ну за что же мне это, что же мне все за мужики какие-то попадают.

– Mamochka, ну не плачь, смотри какая ты у меня хорошая и красивая. Найдешь ты себе еще кого-нибудь, – кинулась мне на шею утешительница дочка, стала вытирать мои слезы. Собака положила мордочку мне на коленки и тяжело вздохнула, а кот пристроился рядом у ног.

– Ой, не надо мне больше никого, тем более кого-нибудь. И вообще, бог любит троицу, хватит мне уже быть приложением к мужу, надо и для нас с тобой пожить, – вытерла я слезы и посмотрела в личико своей Катюшке.

– Мам, а чего мы есть будем? Ого, сколько яиц. Ты магазин, что ли ограбила? – переключилась дочь.

– Курятник я ограбила. У нас с тобой теперь куры имеются. Вот яйца с тобой есть и будем. Ты не против яичницы?

– Кто против? Я против? Да я всегда за! – рассмеялась Катюшка.

– Ну вот и ладненько, идем хоромы смотреть.

Мы с ней пошли разглядывать комнаты. Глянула в сообщение: «Перевод 3000 р от Сергея Владимировича». Да уж, ну с бешеной собаки хоть шерсти клок.

Комната с нарами ребенку не понравилась, а вот спальня бывшей хозяйки пришлась по вкусу.

– Мам, а можно здесь моя спальня будет?

– Сегодня в ней ночевать будешь?

– Нет, кровать надо убрать, а то мне все кажется, что спит на ней кто-то.

– Давай завтра уборкой и разбором шкафов займемся. А сегодня мы будем праздновать. Сейчас я в магазин сбегая, тортик нам и конфет куплю. Пожарим праздничную яичницу, поьем праздничный чай и поедем праздничного торта, – настроение стало улучшаться.

Дочь все ходила по комнатам и то восхищалась, то удивлялась. Изразцовая печь привела ее в полный восторг, а ванная с туалетом удивила своими размерами.

– Мам, я на кур хочу посмотреть, – подошла ко мне Катюшка.

– Ну, натягивай галоши и пошли, на улице грязь и слякоть.

Собаку решили пока не выпускать из дома, мало ли что. Она у нас комнатная и к большим просторам не привыкшая, да и деревенские псы могли ее легко задрать.

– Фу, калоши, я ботинки надену на каблучках, – пропела дочь.

– Ага, и испортишь свои ботиночки и посмотришь, как хорошо в грязюку каблук проваливается. Натягивай тогда мои резиновые сапоги, и пошли. Два часа еще до заката, курочек из сараюшки выпустим, пусть они погуляют, воздухом подышат.

Выпустили наших хохлаток погулять, такие птички пригожие, такие деловые, ходят по загончику, что-то ищут, квохчут так сердито. Заглянула в курятник, а там, мама дорогая, это не птицы, это какой-то завод по переработке добра на помет. Но как говорится, глаза боятся, а руки делают, и не так уж и много они тут напачкали, зато принесли еще три яичка за сутки. Дочь вертела головой во все стороны.

– А это что? А это что? – тыкала она пальчиком в разные сараюшки.

– Да я почему знаю, не ходила я еще туда.

– Мам, а там что за домик с окнами?

– Кухня, наверно, летняя, да баня к ней пристроена. Снег до конца сойдет, и туда сходим, посмотрим.

– Мы с тобой теперь домовладелицы, – сделала заключение Катюшка.

– Ну, я пока этот дом не купила.

– Не беда. Мы же его купим?

– Купим, купим. Пойду я за тортиком.

Вернулись в дом. Я переобулась в свои новые резиновые сапоги, взяла денег и отправилась в ближайший магазинчик. Марина была занята с другими покупателями и мне только коротко кивнула. Кремовый торт брать не стала, больно уж большой по весу, взяла вафельный и триста граммов шоколадных конфет. Забрала последнюю буханку. Хлеб высокий, ароматный, корочка такая хрустящая, так и просится, чтобы от нее откусили кусочек. Эх, нате-

реть бы сейчас краюшку чесночком, да сала кусочек положить, лепота. Не выдержала, откусила от хлеба, вкусно, как в детстве. Донести бы до дома, не слопать половину.

Зашла в избу, зову дочь, чтобы покупки забрала.

– Мам, ты представляешь, тут интернет есть, – вышла ко мне с телефоном в руках. – Ты чего, совсем оголодала, половину хлеба обгрызла?

– Ничего ты не понимаешь, это же так вкусно, понюхай, как пахнет, – сунула ей буханку в нос.

– Ага, – она хихикнула и забрала все у меня из рук.

Пиликнул телефон, пришло сообщение от старого заказчика: «Привет, нужно две статьи по две тысячи знаков, на тему полов, вот список ключевых слов. Смогешь до завтра?». «Привет, сможешь, завтра утром будет», – отправила ему ответ. Ну вот и работы чуток привалило, жизнь-то налаживается.

Ужинали с дочерью с шутками да прибаутками, смеялись и дурачились. Поймала себя на мысли, что и без него можно жить, даже вот очень хорошо жить. Вечером у Кати уроки, сериалы, мультики, рисование акварельными маркерами анимешек, а у меня работа – статьи. Такой дом большой, а сидим в одной комнате, и никто никому не мешает. На улице уже темно стало, снова дождь полил. Решили с дочерей печь затопить. Зашуршал огонь, заплясал, начал жадно пожирать газетные листы, постепенно и бревна занялись ало-желтым пламенем. Затрещали наши чурбачки, заискрились. Прикрыла я дверцу от греха подальше, на огонь можно и через стекло смотреть.

Собрались спать укладываться. Катюшка заартачилась, говорит, спать буду вместе с тобой в этой комнате, диван большой, разложим и уместимся. Предложила ей кресло-кровать прикатить из той странной комнаты. Не захотела, уперлась: с тобой и все тут, боюсь, говорит, по дому ходит кто-то. Ну, кто ходит, нет никого, может, Проша или Маруська пробежали, а может, и крыса какая или мышка. Изба старая, половицы скрипят, стены ухают, есть такое у возрастных зданий. Да ладно, не ругаться же еще и с дочерью. Так и проспали вместе: я, дочь, котейка в ногах, да Маруська около дивана.

Как светать начало, так и проснулась, выпалась. Решила на рассвет посмотреть, оделась да вышла потихонечку.глянула кругом и охнула – началось утро в колхозе. За ночь почти весь снег стаял, да дождиком сдобрило все кругом. Весь двор в воде, да не просто небольшие лужи, а прямо так хорошо, первые две ступеньки под водой. Надо траншею рыть, чтобы поток на улицу вывести. Взяла лопату и пошла копать. Вот и посмотрела рассвет. Вышла за калитку, рою отвод, пыхчу себе под нос, не привыкшая к такому труду.

– Здравствуйте, – услышала я где-то сбоку бодрый молодой голос.

Я чуть с перепуга лопату не уронила.

– Ох ты ж, здравствуйте, что же вы меня так пугаете, – ответила я.

Передо мной стояла молодая женщина лет 30–35 в стареньком пуховике и в резиновых обрезанных сапожках. Рядом с ней переминались две козы и безучастно взирали на окружающую действительность. На одной из коз висела выючная сумка, как у ослика.

– Меня Оля зовут. Я вот вам козочек привела. Мне Петя вчера написал, что в доме новая хозяйка, велел коз отдать.

– Не надо мне коз, оставьте их себе, – испуганно сказала я.

– Я вот их уже подоила, тут молоко в двухлитровой бутылке, творог козий в пакете и сливки от наших коровок, – говоря все это, она вытаскивала из сумки по очереди продукты и совала мне в руки.

– Не умею я их доить, да и ухаживать за ними надо.

– Да что там доить, поставили ведерочко и так аккуратно пальцами вниз провели, раз-раз. Смотрите только, чтобы в молоко шарики не сыпались, а то потом пахнуть будет.

Одна коза, видно, устала ждать, боднула калитку и вошла, за ней последовала другая. Их сопровождал Проша, который не давал этим животным залезть в сад, а подбадривающе лупил их лапой. Вот ведь умный какой кот.

– У нас тут ферма неподалеку, – махнула она в сторону виднеющегося за дорогой длинного здания. – Держим коров, уток, индюшек, кур, бройлера на мясо выращиваем. Если продукция какая понадобится, то приходите, не стесняйтесь. Если работа нужна, то нам всегда работники требуются. Правда, труд тяжелый, кормить, убирать, во время забоя тушки ощипывать и потрошить. Платим, не обижаем. Сливки вот вам принесла на пробу, взамен козьего молока. Дети утром у меня половину выпили, что я надоила.

– Давайте я вам денег за сливки отдам, – я стала рыться в кармане.

– Нет, что вы, мы и так вашим козьим молоком несколько недель питались. Считайте, это пробник наших сливок. Вас же Агнета зовут?

– Да.

– Агнета, а вы тем же занимаетесь, чем Семеновна занималась?

– А чем она занималась?

– Ну, лечила там, на ферму к нам заходила, – смутилась Ольга.

– Нет, животных я не лечу, да и людей тоже.

– Как жаль. Бабушка мазь для коров делала, мы же их аппаратами доим, чтобы кожа не трескалась, ей и мазали. Никаких болячек у них не было. У меня вот одна банка только осталась, так это же мало для десяти коров, – она покачала сокрушенно головой.

– Ну, а купить? Вон продают всякие «Буренки».

– Да что вы, бабушкина мазь ни в какое сравнение не идет с промышленными. Я вот и руки свои ей мажу и летом пятки, вообще ничего не трескается.

– Ой, да что же это за чудо такое, хоть бы увидеть, понюхать.

– А у меня с собой есть, я чуть-чуть переложила в баночку из-под крема, – и женщина ротянула мне банку с мазью.

Открыла, понюхала, запах такой знакомый и цвет. Пальчик туда сунула, растерла немного, попробовала на язык, точно – оно самое. Такую мазь себе от болей в коленях делала, где-то и рецепт у меня сохранился. Оля на меня внимательно смотрела.

– Сделаете? Я заплачу, хотите деньгами, а хотите бартером. Если нужны какие ингредиенты, то скажите, я все достану.

– Бабушка рецепт на мазь не давала?

– Давала, вот только не получилось у меня, да и рецепт я потом потеряла.

– Это стоит будет не сто рублей, – предупредила фермершу.

– Да знаю, но и дойная корова тоже не копейки стоит. Два бройлера и килограмм сливочного масла за пол-литровую банку хватит? – Ольга сделала предложение, от которого сложно было отказаться.

– Я попробую.

– Договорились. Вот, возьмите мой номер телефона, – она сунула мне бумажку в карман куртки. – Спасибо вам.

– И вам спасибо. Оля, а бабушка когда умерла?

– Да вот недавно, через полторы недели сорок дней будет. Да вы не переживайте, она Пете дом давно подарила. Все говорила, чтобы после ее смерти он с наследными делами не возился.

Мы попрощались, она махнула мне рукой и пошла в сторону фермы. Я же отправилась с гостинцами домой. Вода потихоньку покидала двор по вырытой мной траншейке, выходит, не зря трудилась. Проша загнал коз в сарайчик рядом с курятником и деловито умывался на пороге дома. Что же мне делать с этими животными?

Деревенские страдания по козам

В голове моей опилки, не беда, и вот чего мне с этими козами делать, это же ответственность какая. Надо было вернуть их назад Ольге, а не ушами хлопать, когда их Проша по двору в сарайчик гнал. Дожилась, такие решения уже за меня кот принимает.

– Мамуль, а ты чего так рано встала? – из комнаты вышла заспанная дочь и кулачками терла глаза. – Ой, а что это у тебя?

Она протянула ко мне руки и забрала бутылки с молоком и сливками, и пакет с творогом.

– Ты уже с утра пораньше на ферму сбегала? М-м-м, какое молоко вкусное, – дочь налила себе в стаканчик молока.

– Катюша, у нас теперь есть козы, – с тяжелым вздохом сказала я.

– Это какие такие козы? Зачем нам козы? Нам не надо коз, я не люблю козье молоко.

– Ты его сейчас пьешь.

– Да ладно. Почему оно такое вкусное? Я пила у крестной, оно пахло плохо и привкус неприятный имело, – удивилась дочь.

– Надо доить уметь, ну и чтобы чистое вымя было. А ей, видно, продавала молоко нечистоплотная хозяйка.

Рассказала дочери про утренний визит и про «босяцкий подгон» от хозяина дома. Надо будет его поблагодарить за коз, и спросить, могу ли я их вернуть Ольге.

– Мамуль, а чем мы будем завтракать, ни колбаски, ни сыра нет? Есть нечего.

Я аж задохнулась от возмущения.

– Как это нечего есть, вот творог, вот сливки, варенье есть, смешай все и будет тебе вкусный творожок, лучше магазинных. Хлеб со сливками, омлет можно соорудить, яичницу, яйца отварить, кашу манную сварить. И вообще, дорогая моя, придется пока отказаться от магазинных колбасок и сыров, а также от конфет.

– Экономить будем? Умрем от белкового голодания. Сладкое полезно для мозгов.

– Да, будем. От голода мы с тобой не умрем, тем более от недостатка белка. Посмотри, сколько его в яйцах, молоке, твороге. Недостаток сладкого можешь восполнить за счет варенья, все полезней. Деньги нужны на покупку дома. Не говорю, что будем экономить на еде, но я голосую за разумное потребление, ничего лишнего и вредного в рационе.

– И на мясе экономить будем? – скептически поинтересовалась дочь.

– Нам с тобой той заморозки, что я из городской квартиры забрала, на пару недель хватит. А если я еще мазь приготовлю, то мы с тобой до конца месяца будем разные всякие блюда из деревенской курочки готовить.

Дочь вроде успокоилась и пошла умываться и переодеваться в домашнее. Ну что же, пора нам позавтракать, попробуем, что там за творог из козьего молока. Поставила чайник, перелила сливки из пол-литровой бутылки в баночку, а то потом застынут и неудобно будет их из узкого горлышка доставать. Мужественно отправила половину чайной ложки творога в рот – вкусный, не такой, конечно, как от коровы, но вкусно. Хотя когда я последний раз настоящий творог ела, уже и не припомню. В детстве бабушка делала творожную намазку с укропом и чесночком, надо будет попробовать и самой такое соорудить.

Внутри прямо все зудело, так хотелось приступить к поиску рецепта и ингредиентов для прополисной мази. Но сначала куры, козы, затем основная работа, а потом уже и все остальное. Прямо вот и нет времени погоревать о развалившейся семье – все по минутам расписано. Неправильная я какая-то, не горюю да не рыдаю.

Пошла свое хозяйство проверять. Выпустила курочек в загончик погулять, проверила наличие воды и зерна у пеструшек – всего достаточно. Заглянула в сараюшку к козочкам, как они там устроились. Оказывается, это не просто сарай был, а самый настоящий козлятник

с небольшим загоном, высоким настилом, лавками и кормушками, очень светлое помещение. Конечно, ведь бабушка держала коз, значит, и помещение для них специально построено было.

Что же едят козы? Наверно, сено и чужое белье, я где-то в книжке читала, как эти животные слопали соседское исподнее. В курятнике видела большой стог сена или как это правильно называется, не знаю. Нашла вилы и пошла за едой для скотинки. Зацепила сено вилами и... совершенно верно, все это оказалось у меня на голове, на лице, в глазах, за шиворотом, везде, где можно, только не там, где надо. Но врагу не сдастся наш гордый «Варяг», мы не ищем легких путей. Нагребла в какой-то таз сена и потащила своим новым подопечным. Воды им принесла, выпускать их на улицу не решилась, там мокро, слякотно. С чистой совестью и со спокойной душой отправилась в дом работать работу.

По дороге вытряхивала соломинки из одежды и волос. Ну ничего, справлюсь, не коровы же завелись, а маленькие козочки. Надо про уход за ними в интернете почитать, а вечером попробую подоить, что-то как-то скептически к этому занятию я отношусь. Зашла в дом. Тут мне навстречу доча выплывает с тетрадкой в руках.

– Мам, а мы когда с тобой вещи по шкафам разложим, или они так и будут в пакетах на полу валяться?

Прям не ребенок, а совесть ходячая какая-то. Поработала, называется, но доча права. Ладно, начну свои карточки заполнять на час позже. Хорошо, хоть вчера вечером статьи отправила заказчику. Надо, кстати, глянуть, заплатил он мне или нет, и от основного работодателя сегодня должна зарплата прийти. Еще надо решить, в каком банке кредит брать, у меня ведь только на половину дома деньги есть.

Зашли в хозяйскую спальню. Открываю шкаф, а он пустой. Неужели мне померещилось, дверцу закрыла и открыла снова, точно пусто. Петр вроде говорил, что он вещи бабушкины не разбирает, а тут совершенно ничего нет, только на самой верхней полке белье постельное да вешалки пустые. Нет так нет, баба с возу, кобыле легче. Вытерли полки от пыли, протерли стенки и загрузили свои вещички. Второй же шифоньер в отличие от первого был забит, но все, что там было, – это только новые вещи: пальто в пакетах, платья, костюмы, юбки и блузки, даже шуба мутоновая висела. Все это имело стойкий запах нафталина. Целый шкаф неношеного добра, которое никто никогда не носил и берёг до лучших времен. Ладно, потом разберусь, куда чего.

Тут затрезвонил телефон, звонила мама.

– Ты куда пропала? – разговор начался с претензий. – Не звонишь, не пишешь. Почему сегодня не приехала? У меня хлеб кончился.

– Я была у тебя в субботу и в воскресенье, сегодня только вторник. Сходи сама за хлебом.

– Ты же прекрасно знаешь, мне тяжело, у меня сломана нога, и рука не работает, – все слова сквозили вселенской обидой.

– Мама, ногу ты сломала больше года назад, и руку тогда же. Все уже давно зажило и срослось, имей совесть. У тебя магазин на первом этаже твоего дома, начни уже сама выходить хотя бы за хлебом. Не ехать же мне с одного конца города на другой, чтобы купить тебе булку.

– Какая ты все же, Агнета, черствая, я тебе всю свою жизнь посвятила, а ты. Из-за тебя я буду сидеть голодная.

– Попроси соседей, люди все равно в магазин ходят, не откажут тебе в одной буханке. А я в пятницу приеду и куплю тебе все продукты. Ты яйца съела, тухлых не было?

– Только два съела. Все, давай до пятницы, мне тяжело с тобой разговаривать, – недовольно проговорила мама и бросила трубку, не дав мне с ней попрощаться.

Ну вот опять я доча плохая, хорошо, что не стала ей говорить, что съехала от мужа и перебралась в деревню, а то устроила бы мне истерику.

Наконец я добралась до ноута и углубилась в мир товарных карточек, фотографий и графического редактора для обработки фото. Интернет тут работал исправно, не тормозил и не

лагал. Два раза пиликнул телефон, пришли деньги за статьи и пятнадцать тысяч зарплата. Теперь об этом можно и не беспокоиться. Надо еще научиться строить свою жизнь по-другому, рассчитывать только на себя.

На обед я приготовила плов с куриными запчастями. Получился целый казан. Эх, сколько мы теперь его есть будем, не умею я мало готовить. Часа в четыре закончила работать с карточками. Теперь по плану у меня была мазь для Ольги. Рецепт нашла быстро, рассчитала количество ингредиентов на пол-литровую банку. Теперь дело за малым, найти все составляющие. Если бабушка такое варила, то у нее должны были быть эти продукты, вот только где это все лежит. Обшарила всю кухню, ничего не нашла. Поискала в кабинете, и там пусто. Слышу, в коридоре кот скребется, стоит так и сосредоточенно полы роет. Вот ведь негодник, только с улицы, а уже пакостить в доме собрался. Подошла к нему с целью великих люлей надавать за неполитическое поведение. Пригляделась, а он крышку в полу скребет, дескать, смотри, чего нашел, там могут быть мыши и то, что тебе надо.

Позвала Катюшку, вручила ей телефон, сказала, если что, звони дяде Сереже или новой знакомой Ольге. В коридоре нашла выключатель, который отвечает за свет в подвале, включила и полезла в подпол. На удивление, лестница оказалась приличной и целой. Спустилась и очутилась в небольшом коридорчике, из которого вело несколько дверей. Как-то не по себе стало, почему-то вспомнились фильмы ужасов с их подвалами и маньяками, ну, как говорится, волков бояться, в лес не ходить. Одним глазком гляну, что почем, да и вылезу. Вместе со мной спустился Прошенька. Маруся заглядывала сверху и тихонько тявкала, дескать, вылезай, хозяйка, там темно и страшно.

Щелкнула выключателем у одной из комнат, толкнула дверь, там оказалась кладовка с разными вареньями и соленьями, с ящиками для картошки и других овощей. Кстати, там еще довольно много было продуктов. Эх, балда, не взяла с собой ведра, хоть бы картошки набрала, да кто же знал. Ладно, потом вернусь, никто же не съест запасы без нас. В соседней клетушке стоял работающий высокий морозильник, да стеллаж с какими-то свертками, и стеллаж с пустой тарой: банками, ящиками, коробками. Заглянула в морозилку, вот это да, это же целая сокровищница: ящик с мясом, ящик с рыбой, ящик с ягодой, ящик с овощами. А дочь еще переживала, что мы голодать будем. Почему Петр продукты отсюда не забрал, неизвестно, а если бы электричество выключили или сам агрегат сломался, запах был бы непередаваемый. Развернула один из свертков, обрадовалась, воск нашла, только вот он какой-то странный, ковырнула – сыр. Забрала его с собой.

Слышу, Проша орет своим хриплым голосом в одной из комнат. Открыла дверь, свет включила и ахнула, настоящая лаборатория. Вот где бабушка свои настойки и мази делала и хранила. Тут и электронные весы, которые все до миллиграмма показывают, и вытяжка, и различные пузырьки, и мешочки, и плитка, и посуда для мазей, и даже специальная машинка для изготовления восковых свечей. Лепота. Нашла воск, прополис, в пятилитровке – подсолнечное масло. Здесь варить или на кухню подняться? От прополиса и воска всегда пахнет хорошо, можно и наверху зельевареньем заняться. Взяла небольшой ящик в соседней комнате, загрузила все необходимые ингредиенты, посуду и оборудование и отправилась творить волшебную мазь.

Написала сообщение Петру с благодарностью за коз, сообщила о полном морозильнике и кладовой в подвале. Вручила дочери головку сыра и ушла в кухню «колдовать». Соорудила на плите водяную баню, все взвесила, отмерила и измельчила. Есть некоторые нюансы при изготовлении этой мази, поэтому решила взять немного больше ингредиентов, чем планировалось получить готового продукта. Но прошло все, как по маслу, хоть и пришлось повозиться. За полтора часа управилась, получилось полторы пол-литровые баночки. Самый интересный процесс – это отмывание посуды, поэтому для таких дел лучше завести отдельную кастрюльку, терку, ножи и ложки.

Так время подошло к ужину. Много особо готовить не стали, сотворили гренки с яйцами и бутерброды с найденным сыром. Он был изумительный, слегка терпкий, с небольшой остринкой, столько лет на земле живу, а ничего подобного не ела. Спасибо тебе, бабулечка, за такую заботу о незнакомом тебе человеке. Вот неудобно мне как-то перед Петром, может, бабушка хотела, чтобы внук лакомился ее сырами. Только об этом подумала, как пришел ответ от хозяйина дома, дескать, не волнуйтесь и пользуйтесь всем со спокойной совестью. Не буду ему больше надоедать со своими находками, а то передумает еще продавать.

С маленьким пластиковым ведром и дрозью в коленях отправилась доить коз. Взяла еще бутылку с теплой водой, чтобы помыть вымя, бабушка корову держала и всегда перед дойкой мыла. Здесь, правда, не корова, но, думаю, лишним не будет. Перед дойкой пересмотрела кучу роликов, как правильно это делать. Боялась, что они меня или забодают, или запинают. В качестве душевной поддержки со мной пошел Проша, доча отказалась, сказала, что она коз боится, но будет держать за меня кулачки, чтобы у меня все получилось. Зашла в козлятник, а коза уже на лавке стоит, ждет. Помыла ей вымя и ведро для дойки поставила, и как-то сразу ничего у меня не получилось, видно, слабый захват, боялась животинке больно сделать. А потом сдавила сильнее, и молоко полилось, раз-раз, туговато, пальцы-то не привыкшие к таким усилиям. Надоила с одной козы половину ведерка и с другой столько же. Подсыпала им свежего сена и пошла с гордо поднятой головой домой хвастаться, какая я молодец.

Пришла, процедила через марлю молоко, перелила в кастрюлю и смотрю на него с ужасом, куда же его теперь девать. Это сегодня вечером четыре литра плюс стакан молока, и завтра утром столько же и вечером еще будет. Нам же столько не надо. Что же с ним делать-то? Ну, творог можно, а сливки из него, интересно, делают, а кефир? Сыр вот точно готовят. Кипятить надо или не надо. Читала, что йогурт из него вкусный получается, только вот закваски нет. Сколько вопросов, пойду гуглить, а пока накрою крышкой и поставлю в холодильник.

Бриллиантовая рука, вернее, нога

Вечером с дочей смотрели сериальчики, те самые, что мне муж не давал посмотреть, потому что они, по его мнению, скучные. Перед сном решила просто почитать всякое разное в интернете, истории и рассказы. Не заметила, как задремала. Воздух, что ли, на меня так действует, или хозяйственные работы. Проснулась от того, что кто-то в звонок наяривает, и в калитку тарабанит, глянула на часы – почти двенадцать ночи. Дочь тихонько сидит за столом, рисует, в наушниках, ничего не слышит. Марусяка заливается, лаает, бегаёт туда-сюда по коридору, забегает в зал, смотрит на меня, словно говорит, ну, чего ты сидишь, не слышишь, что ли, кто-то пришел. Тут и Катюшка вынула один наушник из уха и стала наблюдать за собакой.

Кого могло принести в такое позднее время, неизвестно. Мои, кроме мужа, не знают, что я в деревню перебралась, а он бы так просто не приехал, предварительно написал или позвонил. Соседей ближайших нет, только два дома жилых в конце улицы, но я с ними еще не познакомилась. Явно они бы не полезли ко мне за помощью, нашли бы кого знакомого. Из деревенских знаю только Олю с фермы, участкового, Марину из магазина и забулдыгу Ваську, может, это его нелегкая принесла денег за занимать на опохмел. Открывать в такое время боязно, но с той стороны непрошенный гость не унимался, а все продолжал трезвонить. Надо на такой случай ружжо какое завести, буду, как в американских боевиках, с дробовиком выходить к незнакомцам.

Любопытство пересилило здравый смысл, и я пошла смотреть, кого же принесло в столь поздний час. Приоткрыла дверь и крикнула в темноту: «Кто там?» Ответа не услышала, так как Марусяка бросилась вперед, выбила дверь у меня из рук и полетела с оглушительным лаем пугать непрошенных гостей. Через забор увидела, что за калиткой стоит какая-то машина, фары горят. К ночи подморозило, и моя звезда собачья, распластав лапы, на своих когтях, как на коньках, со всей силы въехала в калитку, взвизгнула и замолчала. Маруся грустно зашкандыляла домой в сопровождении Проши.

– Агнета, это я, ваш участковый Александр Павлович Сидоров.

– И какого лешего вас, Александр Павлович, принесло в столь поздний час? Вы на часы-то, любезный, смотрели, а? – не спускаясь с крыльца, поинтересовалась я у позднего гостя.

– Там Васька ногу сломал.

– А я при чем? Я ему ноги не ломала и я его с того раза вообще больше не видела. У вас, кажется ФАП в поселке есть, будите фельдшера и тащите гражданина тунеядца туда или везите в больничку в ближайший областной центр, – крикнула я ему через весь двор, вот не было у меня никакого желания калитку открывать и разговаривать с глазу на глаз.

– Его мать вызвала меня и хочет на вас, Агнета, написать заявление за порчу здоровья.

– Что? С какого такого перепуга?

– Васька три дня не пил после того, как вы ему пожелали всякого. А тут сорвался, побегал, бутылочку купил, чтобы поправить здоровье, отхлебнул глоток, ну и упал, сломал ногу. Говорит, что это вы на него порчу навели.

– Подморозило, скользко, при чем тут я, – удивилась я.

Меня такое зло взяло – вот они пить будут, ноги ломать, а виновата буду я. Вот как сейчас устрой всем разгон и построю на место, будут еще мое доброе имя порочить. Зашла в дом, Катюшке сказала, чтобы диван разбирали и спать ложилась, меня не ждала. Натянула джинсы, накинула куртку и вышла на улицу. Дверь дома заперла на ключ и калитку тоже. Участковый топтался около машины. На другой стороне улицы заметила силуэт волка.

– Вы меня уж, Агнета, извините, не знаю, что меня понесло к вам, глупости это все. Но ведь она же напишет, а потом придется мне за это все перед начальством отчитываться.

– Поехали, – плюхнулась я к нему на переднее сиденье. – Но сначала к фельдшеру заедем, пусть вашего болезного посмотрит.

– Не поедет она к нему, он ее в прошлом году в грязь толкнул, когда она к больному шла, и обозвал ее по-всякому.

– Все равно поехали.

Подъехали к небольшому домику, в одной из комнат горел свет.

– Не спит еще, – сделал вывод участковый и постучал в окошко: – Алевтина Максимовна, откройте, это я, Александр, ваш участковый.

Через пару минут дверь приоткрылась, в проем высунулась женская голова.

– Саша, чего так поздно? Что случилось, кто заболел? Родителям плохо или с сыном чего?

– С ними все нормально. Васька Мирошниченков, кажется, ногу сломал.

– Да пошел он, твой Васька, знаешь куда... вот туда он и пошел. У меня в прошлом году артрит обострился, я еле ходила, а эта сволота толкнул меня в грязь, еще и обматерил, сказал, что я коряга старая и мне давно на погост пора. Сломал, так ему и надо. Вези его в обл. больницу, а я даже пальцем ради него не пошевелю. Хочешь дам тебе гипсовые бинты, сам ему намотай, как хочешь. А это кто с тобой?

– Это Агнета, новая хозяйка дома Семеновны.

– Вместо Семеновны? Лечить его будешь? Крапивы ему под гипс насовай, чтобы жизнь медом не казалась. Подождите, сейчас бинты принесу.

Фельдшер скрылась за дверью, а я вернулась в теплую машину. Сидела и думала, что за порыв у меня был ехать куда-то в такое время. Нужно мне это одобрение неизвестных мне людей, зачем мне все это? Женщина отдала Александру бинты, и он сел в машину. Только я открыла рот сказать ему, чтобы он вез меня домой, как участковый вскрикнул:

– Вы видели, там волк, видели? – тарасил он глаза на дорогу.

Волка я видела еще тогда, когда мы ехали к фельдшеру. Он трусил за машиной, стараясь не попадать в свет фар. И сейчас я прекрасно различала его фигуру при луне, но говорить об этом не хотела.

– Какой волк, Александр? Вы когда последний раз спали нормально? Вам мерещится, поехали уже.

Минуты через три подъехали к маленькому низенькому домику. Оттуда выскочила пожилая растрепанная женщина и кинулась на меня с кулаками и бранью.

– Теть Маша, успокойтесь уже, – схватил ее за запястье участковый. – Идемте уже, вашего Ваську Агнета посмотрит.

Зашли в дом и тут женщину прорвало.

– Ах ты такая, ах ты сякая, ты моего сыночку обидела, он из-за тебя ногу сломал. Кто тебя в нашу деревню звал? Откуда ты взялась такая?

– Кто звал, того уж в живых нет. А вы бы не на меня с кулаками кидались, а сыну своему навалили, чтобы он не пил. И вообще, с какого такого перепуга вы меня во всем вините? Это я его родила? Это я его таким воспитала? Это я покрываю его перед другими людьми и считаю, что он дитя неразумное, ни в чем не виноват, а все кругом его обижают?

Женщина поджала губы и отвернулась, вытерла ладонью глаза.

– Там он, – кивнула на дверь в комнату.

– Зря вы так, Агнета, – покачал головой участковый.

Э-э, нет, родной, не хватит, никто не смеет Агнету обижать и поклеп зазря на нее наводить, за это я могу и нос с ушами пооткусывать. В комнате болезный лежал на деревянной продавленной односпальной кровати, рядом на тумбочке стояла початая бутылка чего-то мутного и неприятного. В воздухе витал запах плесени, старого дома, невымытого тела, перегара и сивушных масел.

– Убери это, – ткнула пальцем в бутылку, почему-то она вызвала во мне приступ тихой ярости.

– Ах ты ж ведьма, приперлась, чувствуешь за собой грех? – начал Васек.

– Василий, – укоризненно начал Александр.

– Я тебе сейчас эту ногу до конца доломаю, а потом вторую начну крошить, – зашипела я, приблизив свое лицо прямо к его небритой харе. – Если ты сейчас же свою помойку не прикроешь.

– А-а-а, – только и смог испуганно произнести забулдыга.

– А ну на стол, живо, и штаны снимай, – скомандовала я. – Не буду я тебя смотреть в скрюченном состоянии.

Тот, стащил грязные джинсы и сполз с кровати, поковылял к стоявшему посреди комнаты длинному столу.

– Я тут не умещусь, – капризно сказал Васька.

– Живо.

Он забрался на стол, верхняя часть туловища свисали над полом. Его мать подставила ему под шею стул со спинкой.

– Мне больно, – захныкало дитяtko.

– Цыц. Предупреждаю сразу, я вообще ни разу не доктор и никогда в этой области не работала. Так что все это на ваш страх и риск.

– Ишь ты какая, – подала голос мамаша. – Как людей калечить, так она специалист. Ты пошто моему Васеньке порчу навела?

– Васька ваш у меня лопату украл, и порчу я на него не наводила, лишь сказала, что если пить будет, то ходить не сможет.

– Не может быть такого, мой Васенька хороший, он и мухи не обидит, – возразила маманя. Васька довольно хрюкнул на столе.

– А вы на него глазами другими посмотрите, вот как будто чужой человек перед вами. Посмотрите, пока я им заниматься буду, и желательно молча.

Предо мной лежала грязная, волосатая мужская нога в неестественном положении. Почему-то вспомнилась дочкина энциклопедия по анатомии. Ногу положила правильно, товарищ взвыл, ничего, ему полезно. Прикрыла глаза и пошла пальцами по костям, а вот и переломчик, под пальцами явно чувствовалась трещина с небольшим смещением в большой берцовой кости. Поправила все на место.

– Тащите таз с водой и бинты. Накладывать гипс я тоже буду первый раз, – хихикнув, сообщила я всем присутствующим.

Тетя Маша принесла все в комнату и поставила на стул, не поднимая на меня глаз. Видно, она о чем-то крепко так задумалась.

– Сломана большая берцовая кость, так что гипса у тебя будет от пятки до пятой точки. Рекомендую завтра все же съездить в травму и сделать рентген.

Вася безучастно махнул рукой. Маманя кивнула головой. Я принялась мочить бинты и наматывать на ногу.

– Вот ты говоришь, я виновата, что он пьет, – начала тетя Маша. – А ты не знаешь, через что я прошла, чтобы его вырастить. Я его ведь родила поздно, да одна, да без мужа, да в деревне, – она горько вздохнула и собралась дальше жалобиться на свою тяжелую жизнь.

Но не успела она и слова сказать, как я ее перебила, и меня понесло, и про жизнь тяжелую, и про вину, и про алкоголиков, и что мы все люди взрослые. Говорила, что выросшие дети – они уже взрослые, хоть и характер формируется в детстве под влиянием воспитания, родителей и окружения, но во взрослом состоянии человек сам решает и выбирает, как ему жить. Говорила, что родители не виноваты во взрослых поступках детей, а дети не имеют никаких прав винить их в своей нынешней жизни, если те не отравляют им жизнь сейчас.

Я ораторствовала и наматывала бинт на ногу. Но вдруг бинты кончились, а нога нет. Мне принесли мешочек с промышленным гипсом и нарвали старую простыню на полоски. После такого строительного материала у меня от рук ничего не останется. Вздохнула тяжело и продолжила наматывать и разглагольствовать, а они меня слушали молча. И так я разошлась, что по окончании гипсования со всей силы хлопнула болезного по ляжке. Он аж ойкнул от неожиданности.

– Чего орешь? Ты мужик или где? – фыркнула я на него. – Где пойло-то берешь?

– У Бугульчихи. Маринка в долг давно не дает, говорит, за тебя мать будет рассчитываться. А Бугульчиха и за вещи какие продает, и если в огороде у нее поработаешь.

– Какая добрая женщина, – иронично сказала я.

– Она одну треть деревни споила, кого уже и в живых нет, – покачала головой тетя Маша.

– И ей до сих пор еще никто хату не подпалил? – удивилась я. – Где у вас рукомойник, мне бы руки помыть. Да домой надо бы, поздно уже.

Женщина проводила меня на кухню и кивнула на умывальник с ведром.

– Только мне вас отблагодарить нечем, – тихо сказала она.

– А вот это плохо. За все, что для вас делается, нужно благодарить, иначе высшие силы возьмут сами то, что посчитают нужным.

Что со мной происходит, непонятно. И лекцию прочитала взрослым людям, и нагрубила, и вот теперь про благодарность завела речь. Скажут, какая нахалка, да пусть что хотят, то и думают, – я полтора часа тут проторчала, руки, скорее всего, сожгла.

Мы с участковым молча вышли на улицу и сели в остывшую машину. Сразу пробрало холодом до костей. Он завел автомобиль и ждал, когда мотор хоть чуть-чуть прогреется. Из дома выскочила женщина, что-то прижимая к груди и маша нам рукой.

– Стойте, стойте.

Я приоткрыла дверь.

– Вот, возьмите, это масло сливочное топленое, свежее, я у Ольги два дня на ферме работала. Мне жирное категорически нельзя, а он этот месяц, пока не восстановится, на пустых макаронах посидит. А потом пусть на работу идет, хватит, не крест он мне, не наказание. Мужик взрослый, пусть жизнь свою как хочет, так и устраивает. Возьмите, не побрезгуйте, спасибо вам большое, – она попыталась схватить меня за руку, положила на колени пол-литровую баночку с топленным маслом.

– Спокойной ночи, и пусть все сложится у вас хорошо. Спасибо вам за масло, – ответила я.

На душе скребли кошки, вот как будто я выклянчила у нее это масло, последнее забрала. Ночь какая-то неприятная, тяжелая.

– Агнета, странная вы женщина, – начал Александр.

У меня заныл затылок, словно что-то потянуло кожу на голове. Вот только без этого, не до этого мне сейчас, я еще с мужем не разобралась и не отдохнула от всего.

– Александр, я так устала, давайте в тишине до дома доедем.

– Хорошо, – кивнул он.

Мы добрались до дома и распрощались. Участковый как-то грустно посмотрел на меня. Дома было тихо, все спали. Вот только Маруська голову подняла, тихо тьякнула и снова спрятала нос в своем теплом пузе. Дочь распласталась по всему дивану, места мне не было. Я забрала подушку и ушла спать на диванчике в кабинете.

Вот они какие, черти

На протяжении последних десяти лет я мечтала каждое утро делать зарядку. Но почему-то моя мечта каждый раз разбивалась о мою утреннюю лень. Я упорно продолжала мечтать и даже иногда делала какие-то новомодные упражнения из Ютуба. И вот, пам-парам, моя мечта осуществилась. Но не так, как я хотела: у меня завелось маленькое хозяйство. У кого-то вши заводятся, тараканы там, а у меня курочки с козочками. Упражнения на все группы мышц, и даже кардио есть (правда, не знаю, что это такое, но точно есть). Метлой помахала, яйца собрала, воды принесла (обязательно разлить надо по дороге, как же без этого), еды дала, присела, подоила, перепрыгнула через лужу. Красота, лепота: и наклоны тут, и силовые тренировки, все, что душеньке угодно.

Домой принесла молока и думку думаю чего с ним делать-то. В холодильнике четыре с лишним литра, в ведре четыре литра, да в бутылке еще литр. Вечером еще четыре будет, куда же его девать, не выливать же. Да и яйца что-то не уменьшаются, а только увеличиваются. Можно из одного литра блинов настряпать, ну, пол-литра выпить, а остальное куда. Не было печали, да купила баба поросю. Порылась в интернете: йогурт можно сделать из покупной сметаны или промышленной кисломолочки. Пойду в магазин за молочкой, может, там ферменты продают для сыра, да и хлеб кончился, купить надо.

Подхожу к калитке, а около нее валяется такой длинный ржавый гвоздь. Это что еще за новости. Оглядела конструкцию, откуда выпасть мог. Оказывается, по всему периметру входа вбито несколько таких гвоздей, и, судя по цвету дерева, сделано это было давно. Я гвоздь подобрала. Смотрю, а там еще один в деревяшке сам по себе раскачивается, как будто его кто-то невидимый дергает, и вытащить пытается. Я калитку как дерну на себя, как она откроется, а там бабка стоит скрюченная такая в драной фуфайке, в коричневом платке, в серой юбке чуть ниже колен, в теплых гамашах и галошах на шерстяной носок.

– Здрасссе, – просипела она. – Дай мне, – начала она.

– Ничего я тебе не дам, а ну пошла отсюда, старая карга. Еще раз к моему дому с такими намерениями придешь, я тебе этот гвоздь в крышку твоего гроба вобью, – и со всей силой вогнула гвоздь в деревяшку, так, что он наполовину в нее вошел.

Бабка от испуга подпрыгнула и рванула по дороге в далекие дали. Я ей вслед еще и плюнула. Глянула мельком, вроде у нее на загривке как будто кто-то сидит, что-то черное да мохнатое. Проморгалась, вроде нет никого, померещилось. И чего меня так понесло, может, бабка молока купить хотела, может ей есть нечего и она пришла попросить еды. Вот что со мной творится, непонятно, видно, меня моя семейная жизнь подкосила, стала злая, как собака.

С такими мыслями дошла до магазина, а там эта бабка уже стоит и ей какая-то полная тетка непонятного возраста и непонятной национальности жалуется, что у нее ночью летняя кухня сгорела со всем добром. Только я к прилавку подошла про йогурты всякие у Марины спросить, так меня эта тетя своим обширным жизненным опытом подвинула, буркнув, что она тут типа первая стояла. Я возражать не стала, пусть берет. Бабулька та на меня своими глазками зыркнула, да из магазина вышла, ничего не купив. Странная какая-то, или я ее так напугала. Тетка набрала целый пакет покупок.

– Марина, запиши в долг, у меня ведь летняя кухня сгорела, восстанавливать надо, лишних денег нет.

– Мы с тобой вроде договорились: я у тебя самогон в долг не беру, а ты у меня продукты, – хмыкнула продавщица.

– Какая ты все-таки бессердечная, на чужом горе наживаешься, – ответила тетка, вынув из кармана пятитысячную купюру.

Марина молча отсчитала ей сдачу. Как только за теткой закрылась дверь, продавщица наклонилась ко мне.

– Слышала, у Бугульчихи летняя кухня сгорела вместе с ее аппаратом, бражкой, тарой, сахаром и запасами. Так ей и надо, – хихикнула она.

– Это местная алкозаводчица? – кивнула я на дверь.

– Она самая. Народу кучу споила. Самое интересное, что если один раз у нее продукцию возьмешь, то так ходить к ней и будешь. Знаешь, Агнета, я сама чуть не спилась из-за нее. У меня еще магазина не было тогда. Друзья в гости из города приехали, ну, посидели, отметили, показалось мало, а все уже закрыто, я к ней за добавкой и побежала. Очнулась я через три месяца в грязи под забором. На заборчике черт сидит и говорит мне: «Айда, Маринка, за добавкой». Я ему отвечаю: «Денег-то нет», – а он мне: «А ты дочкин комбинезончик продай, он почти новый, и купи бутылку». Вот что ты ржёшь, черт такой реальный сидел.

– Зелененький? – хихикнула я.

– Нет, как положено, черный, с рогами, с языком красным, размером с десятилетнего мальчишку. Я тогда послала матом его, он обиделся и ушел. Я домой приползла, говорю мужу, чтобы он меня к кровати привязал.

– А муж что, не пил?

– В тот раз ему надо было срочно на работу ехать, он и не пил. Все три месяца со мной боролся. Потом мы вместе за меня боролись. Ох, и тяжело мне было. Этот черт еще ко мне несколько раз приходил, звал и даже наливал стопочку. Я тогда ему пообещала, что, если он еще раз ко мне придет, Бугульчихе плохо будет. Теперь такое пошло на дух не переношу, сама торгую хорошим, чтобы люди за самогонкой к ней не шли лишний раз. Видно, долетели до кого надо наши молитвы, хоть на время производство прекратится, – порадовалась Маринка. – Ты подожди, я сейчас проверю кое-что.

Она отодвинула прилавок и прошлась по маленькому помещению магазинчика, заглядывая в разные укромные уголки и что-то проверяя под и над витринами.

– Бабку видела? – спросила она меня.

– А то.

– Приходила, что ли, уже к тебе? Ты ей ничего не давала, у нее ничего не брала?

– Нет.

– Молодец. Она у нас чернушница. Пакостит всем с помощью черной магии. Бабушка моя рассказывала, что эта баба Нина по молодости влюбилась в одного городского, а он женатый. Мужик красивый, да ходок тот еще был, совратил ее, а жену не бросил. Так она его через кладбище и приворожила. Сначала они, вроде, ничего так жили, а потом он пить начал, бить ее стал. Детей у них так и не было, она забеременеет – он ее изобьет, она и скинет. Пять лет так прожили, а потом он взял и повесился. Она, видно, с кем-то не рассчиталась за такого «хорошего» мужа, а может, злоба на людей гонит ее всем пакостить.

Если птица дохнуть начала, то баба Нина постаралась, если убытки идут, то ее рука. Ее как-то мужики так отходили, что она своими черными делами месяца три не занималась. А потом снова-здорово. Вот только промышлять на трассе стала. Да не то, что ты подумала, торгует она там со своего огорода. Может к ведру яблок еще в «подарок» яблочек накинуть или типа забыть денег за яблоки взять, или сдачу дать больше, чем должна. Вся торговля с «подарками» да с «добрыми» пожеланиями. Вот и едут люди домой, везут себе с деревенскими дарами проблемы да болячки, а кто-то и далеко не уезжает.

– Откуда знаете, что это ее рук дело?

– Сначала думали, совпадение, а потом и за руку ловить стали. Она особо и не отпирается, говорит, что сильно ее покойный муж мучает, если она зла какого не натворит.

Вот и сходила за хлебушком, не зря я бабу-то прогнала, чутье сработало, а я еще себя корила за это. Прямо не деревня, а шкатулка с чудесами.

– Ты зачем пришла? А то я стою тут, болтаю всякое, а работать не работаю, – поправила фартук Марина.

– За хлебом да за йогуртом для закваски. У тебя закваски для сыра нет? У меня теперь козы появились, молоко куда девать – ума не приложу.

– Объявление повесь на дверь магазина, продавай излишки. У нас козы только у дяди Жени, но он их как собак держит. У него такой козел злющий, как сам хозяин, – засмеялась Марина.

– Спасибо за совет, я подумаю над вашим предложением.

– За ферментами для сыра к Ольге фермерше обратись, они сыры варят на продажу. На работу еще тебя к себе не звала? Она всегда платит, но и требует.

Купила у Марины все, что хотела, и в раздумьях пошла домой.

Когда любит только один

Я шла медленно домой, переваривая все сказанное Мариной. Прыгала с кочки на кочку, выбирая место посуше, между глубокими лужами и валунами грязи.

– Тетенька, тетенька, подождите, – послышался тоненький детский голосочек.

Интересно как, давно не слышала, чтобы так обращались ко взрослым. Обернулась – за мной бежала худенькая девочка лет двенадцати-тринадцати в огромных резиновых сапогах на голые ноги, в старенькой короткой курточке, из-под которой торчал домашний халатик. Я остановилась.

– Тетя Марина сказала, что вы козье молоко продаете. Мне для маленького братика надо, – кричала она на бегу.

– Здравсьте, – добежала она до меня.

– Здравствуй.

– Вот, у меня есть деньги, – она протянула пятьсот рублей.

– Сто рублей полторалитровая бутылка. У тебя полторашка пустая есть?

– Дома есть. Сейчас я быстро сбегая и принесу. Мне нельзя надолго из дома уходить, у меня там братик один.

– А родители твои где? – поинтересовалась я.

– Папа на вахте, а мама в больнице. Она что-то съела, и ей стало плохо, ее скорая увезла в город.

– А братику сколько?

– Два месяца. Я его кормила смесью, но она кончилась, а в магазине такой нет. Я его напоила коровьим молоком, и он покрылся сыпью. Алевтина Максимовна, врач, сказала, что надо кормить его козьим молоком.

Я представила, что у девочки дома сейчас криком исходит младенец.

– Идем, сейчас найду тебе какую-нибудь тару, молока возьмешь.

Мы направились к дому.

– Ой, – девочка остановилась. – Мне мама не разрешает к бабушке Семеновне ходить, говорит, она злая.

– Бабушка умерла недавно, теперь я тут живу. Когда твою маму выпишут?

– Не знаю, она сначала лежала в одной больнице, а потом ее перевели в другую. Она мне звонила, сказала, что у нее телефон забрали, и теперь общаться со мной сможет только раз в три дня.

Мы зашли в дом. К нам навстречу вышла Катюшка, Проша и Маруська, последняя оглушительно лаяла. На собаку прикрикнули, и она замолчала.

– Я Наська, – девочка протянула руку моей дочери.

– Катя, – смущенно сказала та.

– Настя, ты есть хочешь? У меня плов есть, правда вчерашний, – предложила я ребенку.

– Не, мне бы молока, и я побегу.

Налила в стакан молока и поставила перед ней на стол. Стала искать подходящую бутылку, откуда-то сверху с кухонных шкафчиков упала полторашка. Сполоснула ее под проточной водой, окатила кипятком, отчего она некрасиво сморщилась, ничего, для ребятенка ведь.

– Настя, молоко не кипяченое, сразу предупреждаю.

– Ага, понятно, – отхлебнула она немного из стакана. – Ой, как вкусно.

– А ты бабушкам своим не звонила?

– Бабе Люде звонила, но она у нас молодая, еще работает, сказала, что я уже большая, сама справлюсь. Но я ее не очень люблю, она вечно все везде проверит, что понравится, себе

возьмет. А папина мама далеко живет, приезжает раз в год на папин день рождения. Не надо мне никого, от взрослых одни проблемы, – она на меня внимательно посмотрела.

– Ну зачем ты так? Как же мама с папой?

– Папа не любит маму, женился на ней из-за меня. Мне кажется, мама с ума сошла. Она ведь не что-то съела, а горсть таблеток. До этого все ходила с кем-то, разговаривала, а потом взяла и так сделала.

– Может у нее родовая депрессия, – предположила я.

– Не знаю, что у нее там, – она пожала плечами и тяжело вздохнула.

– Давай я тебе плова наложу в баночку?

– Давайте. У вас случайно чистотела нет? Алевтина Максимовна сказала, Андрюшеньку в ванной с чистотелом купать, чтобы сыпи не было. Только вот у нее этой травы в аптеке нет.

– Мне поискать надо. Ты мне адрес свой назови, и я тебе его принесу, если найду.

– Вы деньги возьмите за молоко, – опять она мне протянула пятисотку.

– У меня сдачи нет.

– Телефон тогда свой дайте, папа вам на карту скинет попозже.

Написала Насте свой номер телефона на бумажке. Она назвала адрес, поблагодарила, забрала бутылку с молоком и баночку с пловом.

– Вы про чистотел только не забудьте, а то Андрюшка так чешется от сыпи и плачет.

Проводила Настю до калитки. Девочка махнула мне рукой на прощание. Грустно стало оттого, что маленький ребенок вынужден решать свалившиеся на нее проблемы. При этом родные взрослые просто самоустранились.

Ладно, вернемся к нашим баранам, вернее, к козам. Отлила в небольшую кастрюльку молока, чуть-чуть подогрела и плюхнула туда целую баночку несладкого йогурта. Завернула в полотенце и поставила доходить. Сама делаю, а в голове все вертится, как так, это же ребенок, а на нее оставлен младенец и целый дом. Червячок все точит и точит, плюнула на все и полезла в подвал искать чистотел да облепиховое масло. Порылась в шкафах, нашла огромный пакет травы, отсыпала одну четверть, скоро новый пойдет, самый первый вылезает, как сорняк по всему огороду. Нашла и пол-литровую бутылку с облепиховым маслом, отлила в маленькую бутылочку, много его и не надо, только болячки помазать. Насыпала еще фенхеля на всякий случай, он от колик помогает.

Поднялась наверх, а молоко-то глаза мозолит, и что мне, как той обезьяне, разорваться, что ли. Отправила сообщение Ольге, что ее мазь готова, и спросила про ферменты для сыра. Вижу, что прочитала, но не отвечает, думает, поди. Минут десять прошло, я уже и место под молоко в холодильнике нашла. Если уж прокиснет, то творог сделаю, а из него плавленый сыр, в инете рецептов куча, один веселей другого, найду подходящее. Оля прислала ответ: «За мазь спасибо, после пяти зайду, заберу. Ферменты сама покупаю, могу дать ссылку на магазин». Пишу ей, что не за так у нее прошу, а за денежку, а то молоко пропадает. Она назвала цену за маленький пакетик, я и согласилась.

Собралась и потопала травки относить Настасье с Андрюшкой. Прошла половину деревни, пока нужную улицу нашла. Оказывается, что асфальта нет только у нас, а на остальных улицах он себе вполне неплохо так лежит, местами, правда, в ямах, кое-где с трещинами, но он есть. Дошла до места, дом такой у них хороший, кирпичный, большой, телевизионная тарелка на улице висит, забор новый. Позвонила, слышу, кричит: «Открыто». Захожу, двор ухоженный, пес из будки мне навстречу вышел, я встала, жду. Настя на крыльцо вышла с младенцем на руках, качает его.

– Идемте в дом. Шарик старый, он вас не тронет.

– Что же у тебя все открыто?

– Я вас ждала, да и лазить особо некому. Вот Васька ногу сломал, теперь далеко не убежит. А правда, что вы на него порчу навели, и он поломался?

– Неправда. Я ему ногу гипсом намазала, вот это правда, а остальное – происки империализма.

– Происки кого?

– Людей плохих. Я тебе чистотел принесла, фенхель и облепиховое масло.

Мы зашли с ней на кухню; чисто, на столе только бутылочка стоит с остатками молока. Настя унесла ребенка в другую комнату.

– У вас молоко, наверно, волшебное. Поел и тут же уснул. Чаю хотите? – вернулась она ко мне на кухню.

– Нет, спасибо. Вот, смотри – это чистотел, кипятишь пол-литра воды и туда столовую ложку травы. Как закипит, выключаешь, накрываешь крышкой. Постоит немного, и в ванну выливаешь или в тазик, и детеныша ополаскиваешь. Ты одна его купаешь?

– Алевтина Максимовна вечером приходит, помогает, когда не сильно устает.

– Облепиховым маслом мазать болячки, только ты сначала посмотри, какая реакция на него будет. Ватную палочку намочи и в одном месте на чистую кожу чуть-чуть помажь. Фенхель, чтобы живот не пучило. Его совсем немного надо на стаканчик с горячей водой.

– Спасибо вам большое.

– Папа когда приедет?

– Через две недели, а мама неизвестно когда. Папа от нас еще в прошлом году уходил, мама тогда бегала к бабе Нине. Он потом вернулся, мы так хорошо жили, он маму на руках носил. Она вот Андрюшкой забеременела, а потом они стали снова ругаться. Папа уехал на полгода и приехал, когда ее в роддом забрали. Побыл с нами месяц, сам готовил, сам продукты покупал, маме даже на кухню не разрешал заходить.

Девочка, опустив голову, говорила куда-то в пустоту.

– Я не хочу, чтобы она возвращалась. Орет на меня постоянно, иногда бьет. А то впадает в ступор и сидит, не двигаясь, смотрит по полдня в одну точку, Андрюшка криком кричит, а она словно и не слышит его. Страшно с ней.

Мне нечего было сказать, да и неизвестно, как тут помочь. В опеку позвонить? Хорошо ли в интернате будет ребенку? Забрать к себе на время? Да разве она пойдет. Хоть и ребенок, а как взрослая уже.

– Вы меня простите, пожалуйста, что я со своими разговорами лезу, вам наверно домой пора. Я папе напишу, он вам заплатит за молоко. Завтра за свежим приду. Спасибо большое.

Она проводила меня до калитки и закрыла дверь. А я потопала в свои владения, работа сама себя не поработает. Через полчаса звякнуло сообщение на телефоне: пришли деньги, пятьсот рублей от некого Игоря Петровича. Затем пикнул Вайбер: «Доброго дня. Спасибо за молоко и травы, дочь мне написала. Перевел пятьсот рублей: сто за молоко, сто за чистотел, двести за облепиховое масло, еще сто аванс на завтра. Цены на травы посмотрел в интернете, если мало, то скажите, я добавлю».

Ответила ему: «Спасибо за денежки, этого хватит». Ну и отложила телефон в сторону, о чем мне с человеком общаться. Он и так все про свою ситуацию знает, да и деревенские ему, вероятнее всего, уже позвонили.

Через пять минут снова пикинуло сообщение: «Вы меня простите, конечно, если я вас обижу, но у меня вопрос есть. Вы же вместо Семеновны? Вы меня на наличие приворота посмотреть не можете?» Вот честно, уже достало вот это – вместо Семеновны, я сама за себя, а не вместо кого-то. «Нет, я такое не умею», – отвечаю ему.

Через полчаса прилетело новое сообщение от Игоря: «Мы с женой плохо живем, и с ней не могу, и без нее не могу. Нашел работу вахтами, так там меня крутило со всей силы, мог посреди ночи уйти с рабочего места в сторону железнодорожных путей. Сколько раз меня напарник ловил, не перечить. А домой приеду, рад, а через сутки видеть ее не могу, убить готов. Пить пробовал, еще хуже становится».

Как-то к нам мужик местный на буровую приехал, рыбу всякую привез, мяса, сала, вареный, солений. Ему мой напарник и пожаловался на меня, дескать, по ночам убегает, а сам потом и не помнит ничего. Он на меня глянул и говорит, поехали, мол, к шаману нашему, пусть тебя посмотрит. А мне жизнь не мила, да и терять нечего, напарник обещал прикрыть, я и поехал. Привез, я думал, будет там дед древний, а там мужик молодой, смотрит на меня и смеется. Идем, говорит, выпьем моего фирменного зелья, и настойку какую-то достает. Ну, выпили, ядреная вещь, забористая, мышами воняет. Выпил три рюмки и больше ничего не помню. Все обрывками: как в снегу гольшом катался, как по лесу бегал и орал, как около огня вместе с тем шаманом скакал, да в какой-то землянке в лесу парился.

Через три дня только очухался у шамана в доме, также за столом, только мы с ним уже чай пили. Я себя другим человеком почувствовал и увидел тогда все со стороны. Вернулся на буровую, ни напарник, ни начальник ничего не сказали. Я, когда в город попал, то шаману всю зарплату свою перевел, никаких денег не жалко было. Домой приехал, а жена на меня с кулаками кидается, а я вижу, человек передо мной чужой стоит, незнакомый. Поесть мне поставила, а меня выворачивает только от запаха, ни пить там не смог, ни есть. А она уже беременна вторым была. Я вещи тогда собрал и уехал к матери. Приехал только тогда, когда дочь написала, что жена рождает. Сам тогда все готовил, не пускал ее на кухню. Уехал на работу, а она такое с собой сотворила. Звонила до этого, кричала, требовала, чтобы я вернулся, иначе она детей порешит и сама с собой чего сделает. Вот хотел узнать, есть ли на мне новый приворот или нет».

Написала ему ответ: «Если нет навязчивого состояния, одержимости женой, то значит, все чисто». Снова сообщение прилетело: «Делать-то мне что? Я жить с ней не хочу, а детей жалко. А вдруг, когда я на работе буду, она с ними чего сделает?». Я ему ответила: «В таких вопросах я советчик плохой. Сам решай, дядя взрослый, не стоит перекладывать на кого-то ответственность». Ответ от него прилетел: «Спасибо вам за все. Всего доброго».

И как после такого работать, как на чужой исповеди побывала.

Золото в подвале

Еще полчаса потыкала карточки, но голова была забита девочкой и ее отцом. Сколько событий за эти несколько дней произошло, что моя прошлая жизнь казалась такой далекой и чужой. Чего сидеть, глазами монитор прожигать, пойду-ка я лучше блинами займусь. Напеку большую стопочку, разделю ее на две части, в одну заверну сладкого творога, а другую со сметаной и с вареньем поедим. Меня готовка всегда успокаивает, так бы готовила и готовила. Люблю вот открыть холодильник, а там чтобы всякая всячина стояла, что хочешь, то и ешь.

Развела тесто на блины на литре молока. Поставила на полчаса, чтобы клейковина набухла и комочки, какие не промешала, разошлись. Сама полезла искать сковородку блинную. У меня в городской квартире их две штуки осталось, надо будет в следующий раз забрать. Роюсь в шкафчике, аж по пояс туда залезла. Слышу, телефон пиликает, кто-то сообщениями меня забрасывает. Нашла подходящую сковороду и пошла посмотреть, кому там нейдет. Оказывается, муж активировался, интересуется моей жизнью, как я устроилась на новом месте, чем занимаюсь. Пишу ему, что блины пеку, и он мне мешает. Обрадовался, говорит, как замечательно, значит, на ужин у нас блинчики будут. Ой, какой наивный чукотский мальчик, думал, что нашел свою наивную чукотскую девочку. Нет, говорю, это у нас на обед блинчики будут, а на ужин мы в гости идем.

Замолчал телефон, на том конце воздушной связи кто-то сильно обиделся на меня, надулся, как мышь на крупу. Но я же не со зла, я счастья ему желаю. Пусть его новая пассия отростками бобов кормит и читает лекции о вреде копченого сала и пирогов с рыбой. Пушай организм свой оздоравливает и живет с ней в мире и согласии, нечего рушить новую ячейку общества блинами.

Сковородка оказалась вполне себе приличной, блинчики легко отлеплялись и переворачивались. Дело спорилось, а горка все росла и росла. Развела творог со сметаной и сахаром, завернула его в уже остывающие блины. Половину сразу отложила, уберу потом в морозилку, маме возьму с собой в город. Так она деревенский творог отказывается есть, брезгует, так, может, от блинов не откажется.

– Мамуль, – в дверях появилась Катюшка, – А я когда в новую комнату перееду?

– Дочь, давай через полторы недельки. Не надо пока тебе там жить, пройдет сорок дней, и дух бывшей хозяйки из дома уйдет. Вот тогда и ремонт будем там делать.

– Ну ладно. Я блинчик возьму? – она потащила с тарелки аппетитный круг блина, разорвала его пополам, половинку сунула мне в рот, а половинку утащила в комнату.

Каждый день заботы какие-то, и времени нет, чтобы домом заняться. В кладовке в подполе нужно ревизию провести в первую очередь, там продукты, все перебрать и пересмотреть, чего выкинуть, а что побыстрее съесть. Может, излишки отдать кому. Пообедаем, и полезу гляну, что к чему. Оля только к вечеру подойдет, надеюсь, успею до нее. Карточки свои тогда вечером буду писать.

Обед удался на славу, половина блинов еще осталась. На ужин у нас вчерашний плов. Посидела пять минут, отдышалась, взяла ведро, пару пакетов да полезла вниз на винные погреба. В кладовке чего только нет: и соленья, и варенья, и овощи, и даже яблоки с виноградом, завернутые в пергаментную бумагу. Достала ящик, яблоки еще не испортились, а вот у винограда кое-где порченые ягодки попадаются. Виноград весь перебрала, порченное убрала, отложила нам с дочерью пару хороших веточек, добавила несколько яблок. Полезла по полкам банки смотреть, учет запасам делать. Надо будет пару банок огурцов тетке отвезти, она их любит.

Двигаю банки туда-сюда и что-то рукой задеваю, глаза прикрыла, приготовилась услышать «дзынь», ан нет, упало глухо. Посмотрела сначала одним глазом, затем другим – мешок

какой-то, заглянула и обалдела. Накидала быстро в ведро картошки, кинула туда три морковки, в пакет сунула яблоки и виноград. Подхватила мешок с добром и поднялась наверх, рассматривать находку. Поставила его на кухонный стол и опустила края, и дрожь у меня по всему телу пошла, неприятный такой озноб. В мешочке было золото, да не простое, а обручальные кольца, печатки, колечки, перстни, крестики нательные, цепочки и серьги, все, видно, хорошо ношенное. Килограмма полтора, а может, и больше, добра лежит. Вот так бабушка Семеновна.

Пошла за телефоном, чтобы Петру сообщить о найденном «кладе». Сначала сфотографировала все, а потом написала, а то опять будет отмахиваться, что ему ничего не надо. Через пять минут спрашивает: «Что это?». Отвечаю: «Золото, килограмма полтора, в погребе нашла». Тишина в ответ. Мешочек завязала и назад в погреб отнесла. Не надо мне такого добра, не мое оно, вон пусть наследник сам разбирается, что с ним делать.

Вот весь день сегодня наперекосяк, как начался в магазине с чертями, так и пошло и поехало. Золото это вконец мне настроение испортило, и времени до вечера еще куча. Значит, нужно заняться карточками, хватит рефлексировать. Села за ноут, завела будильник на пять вечера и принялась мужественно сражаться за интернет-магазин. Не заметила, как втянулась и перевыполнила дневную норму. Тут и Ольга мне звякнула, что она пришла и ждет. Я взяла банку с мазью и вышла на улицу. Стоит, вся лохматая, на лице печать забот. Сунула мне пакет с продуктами, забрала мазь.

– Ты меня прости, разговаривать особо некогда, новую породу кур привезли, вернее, цыплят.

Открыла она банку, понюхала, пальцем потыкала.

– Вот точно оно самое, – улыбается стоит, – На, – протягивает мне пакетик с ферментами. Я ей обратно деньги в руки кладу – посмеялись.

– Там один бройлер, колбаса домашняя и масла килограмм, как договаривались. Прости, некогда было второй курицей заниматься.

Открыла пакет, а на меня как пахнуло копченым, да так вкусно запахло, что аж голова закружилась и слюна сама собой, как у собаки Павлова, побежала.

– Пакетик ферментов рассчитан на пятьдесят лит-ров. Открытый можно хранить несколько дней в холодильнике, хотя производитель не рекомендует этого делать. Как варить, в интернете найдешь. Все, давай, покеда, я поскакала. Спасибо за мазь, – быстро объяснила она мне и побежала к своим птичкам и коровкам.

Посмотрела на пакетик с ферментами – а вечер-то обещает быть томным. Пойду коз кормить, доить да сыр варить из имеющегося молока. Хорошо, что вечером готовить ничего не надо. Пока туда-сюда ходила, прилетел ответ от Петра, предлагает мне продать золото и получить с этого тридцать процентов. Предложение, конечно, заманчивое с учетом всех моих финансовых обстоятельств, но, пожалуй, откажусь, больно уж риски высокие. Как представила себе, что я с этим мешком в автобусе в город поеду, и буду по нему шараться по всем ломбардам и светить своим паспортом везде. Ну уж нет, увольте меня от такого удовольствия, сами как-нибудь обходитесь. Отказалась, пусть сам приезжает и забирает, или жену свою отправляет за золотом.

Вчерашнее молоко вылила в большую кастрюлю и стала подогревать, а оно начало сворачиваться. Хотя говорят, что оно долго не скисает. Расстроилась немного, ну ничего, творог откину. Взяла кастрюльку поменьше и налила свежего, что утром надоила и вечером. Чуть подогрела и влила разведенные в воде ферменты. Перемешала и накрыла крышкой, газ выключила. Пусть само теперь доходит. Ушла пеструшек в курятник загонять, да яиц собрать. Пока туда-сюда ходила, да воздухом дышала, да на огород любовалась, на молоке и сырное кольцо образовалось. Стоим с дочей, любуемся на такую красоту, порезали и оставили там мариноваться. За это время творог откинула из прокислого молока. Сыворотку решила козам отдать, ну не пропадать же добру. Интересно, можно из нее что-нибудь сделать?

Пожинали, я опять к кастрюльке с сырной закваской. Помешала его активно. Через минут пятнадцать сыворотку слила, опять помешала. Затем нагрела его чуть-чуть. Потом уже откинула. Чуть-чуть повисел будущий сыр, и я утрамбовала его в специальную форму – нашла у бабушки в шкафчике. Надеюсь, все правильно сделала, и не придется его выбрасывать.

Весь вечер читала про сыры да видео смотрела, как и что. Спать решила лечь в кабинете, там хоть и диван узкий, зато никто не пинается и не разговаривает во сне. Дочь у меня еще та болтушка, любит поговорить, когда спит, раньше даже песни пела. Постелили себе постель да спать улеглись. Уснула мгновенно, вот что значит воздух свежий да нагрузка умеренная физическая. Снится мне дом этот, народу в нем много, кто-то приходит, кто-то уходит. Благодарят бабушку, руки целуют, кто денег дает, кто продукты приносит, а кто-то так уходит. Но есть те, кто отдает последнее, потихоньку складывает в ящик стола цепочки, крестики, снимает с себя обручальные кольца и серьги. Бабушка уже и ящик в столе заколотила, так они стали в кухонные шкафчики класть. Рука у нее не поднималась выкинуть такое золото или продать. Вот и складывала их в мешочек, авось хозяева одумаются и вернутся за своими вещами, ведь нельзя обручальные кольца и крестики отдавать и терять, к беде это, нехорошо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.